

Лев Николаевич

Толстой

Единое на потребу

(1905 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

«ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

«Итак, смотри, свет, который есть в тебе, не есть ли тьма».

Мф. VI, 23.

«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы я исцелил их».

Иоан. XII, 40.

«Однако ж знайте, что приблизилось к вам царствие Божие».

Лука X, 2.

I.

Уже второй год продолжается на Дальнем Востоке война; На войне этой погибло уже несколько сот тысяч человек. Со стороны России вызвано и вызываются на действительную службу сотни тысяч человек, числящихся в запасе и живших в своих семьях и домах. Люди эти все с отчаянием и страхом или с напущенным, поддерживаемым водкой, молодечеством бросают семьи, садятся в вагоны и беспрекословно катятся туда, где, как они знают, в тяжелых мучениях погибли десятки тысяч таких же, как они, свезенных туда в таких же вагонах людей. И навстречу им катятся тысячи изуродованных калек, поехавших туда молодыми, целыми, здоровыми.

Все эти люди с ужасом думают о том, что их ожидает, и все-таки беспрекословно едут, стараясь уверить себя, что это так надо.

Что это такое? Зачем люди идут туда?

Что никто из этих людей не хочет делать того, что они делают, в этом не может быть никакого сомнения. Все эти люди не только не нуждаются в этой драке и не хотят участвовать в ней, но не могут даже себе объяснить, зачем они делают это. И не только они, те сотни, тысячи, миллионы людей, которые непосредственно и посредством участвуют в этом деле, не могут объяснить себе, зачем всё это делается, но никто в мире не может объяснить этого, потому что разумного объяснения этого дела нет и не может быть никакого.

Положение всех людей, участвующих в этом деле и смотрящих на него, подобно тому, в котором были бы люди, из которых одни сидели бы в длинном караване вагонов, катящихся по рельсам под уклон с неудержимой быстротой прямо к разрушенному мосту над пропастью, а другие беспомощно смотрели бы на это.

Люди, миллионы людей, не имея к этому никакого ни желания, ни повода, истребляют друг друга и, сознавая безумие такого дела, не могут остановиться.

Говорят, что из Маньчжурии возят каждую неделю сотни сумасшедших. Но ведь туда ехали и едут не переставая сотни тысяч совершенно безумных людей, потому что человек в здравом уме не может ни под каким давлением идти на отвратительное ему самому и безумное и страшно опасное и губительное дело – убийство людей.

Что же это такое? Отчего это делается? Что или кто причиной этого?

Сказать, что причиной этого те солдаты, русские и японские, которые

стараятся как можно больше убить, искалечить неизвестных и ничего не сделавших им людей, никак нельзя, потому что солдаты эти не только не чувствовали и не чувствуют никакой враждебности друг против друга, но год назад не имели ни малейшего понятия о существовании друг друга, а когда сходятся теперь, то дружелюбно общаются друг с другом.

Сказать, что виной этого офицеры, генералы, ведущие солдат, или разные чиновники, военные и штатские, изготовители орудий, снарядов, амуниций, крепостей, – тоже нельзя. Все они, эти офицеры, генералы, чиновники поставлены своей нуждой, своими слабостями, всем своим прошедшим в такое положение, в каком находится запряженная лошадь, которую сзади стегают и которой правят вожжами, или в положении голодной собаки, которую заманивают в конуру и ошейник кусочком сала, вода ей перед носом.

Все эти офицеры, генералы, чиновники, дипломаты, все так с детства запутаны, заверчены, что они не могут не делать того маленького, нехорошего дела, из которого слагается то большое, ужасное дело, которое совершается теперь. И потому нельзя и их назвать причиной: они не виноваты.

Кто же причина и кто же виноват? Микадо? Николай II? Так сначала представляется потому, что этих, кажется, уж нельзя ни принудить, ни приманить чем бы то ни было. Представляется, что стоило только Николаю II не приказывать, не позволять делать всего того, что делалось в Манчжурии и в Корее, стоило ему согласиться на требования Японии, и войны бы не было; стоит ему теперь предложить условия мира, и война кончится. Всё как будто от него. Но это только так кажется. Про микадо я не знаю, но по тому, что знаю вообще о главах правительств, уверен, что он в тех же условиях, как и другие; про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещенный человек, который поэтому никак не мог быть причиной тех огромных по своему объему и последствиям событий, которые совершаются теперь на Дальнем Востоке.

Разве может быть то, чтобы деятельность миллионов людей была направлена противно их воле и интересам только потому, что этого хочет один человек, во всех отношениях стоящий ниже умственного и нравственного среднего уровня всех тех людей, которые гибнут как будто по его воле?

Почему же кажется, что причина войны Николай и микадо?

А это кажется потому же, почему кажется, что минированный город взорван тем, кто пустил искру, воспламенившую мину, которая подведена под него.

Не Николай и не микадо сделали и делают войну, а делает это то устройство людей, при котором микадо и Николай могут причинить несчастья миллионов людей. Виноваты не они, а та машина, при которой это возможно; следовательно, виноваты те, кто устраивает машину.

Что же это за машина и кто ее устраивает?

II.

Машина эта давно известна миру и давно известны дела ее. Это та самая машина, посредством которой в России властвовали, избивая и мучая людей, то душевно больной Иоанн IV, то зверски жестокий, пьяный Петр, ругающийся с своей пьяной компанией над всем, что свято людям, то ходившая по рукам безграмотная, распутная солдатка Екатерина первая, то немец Бирон, только потому, что он был любовник Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой России и ничтожной женщины, то другая Анна, любовница другого немца, только потому, что некоторым людям выгодно было признать императором ее сына, младенца Иоанна, того самого, которого потом держали в тюрьме и убили по распоряжению Екатерины II. Потом захватывает машину незамужняя развратная дочь Петра Елизавета и посылает армию воевать против пруссаков; умерла она – и выписанный ею немец, племянник, посаженный на ее место, велит войскам воевать за пруссаков. Немца этого, своего мужа, убивает самого бессовестно-распутного поведения немка Екатерина II и начинает со своими любовниками управлять Россией, раздаривает им десятки тысяч русских крестьян и устраивает для них то греческий, то индийский проекты, ради которых гибнут жизни миллионов. Умирает она – и полуумный Павел распоряжается, как может распоряжаться сумасшедший, судьбами России и русских людей. Его убивают с согласия его родного сына. И этот отцеубийца царствует 25 лет, то дружа с Наполеоном, то воюя против него, то придумывая конституции для России, то отдавая презираемый им русский народ во власть ужасного Аракчеева. Потом царствует и распоряжается судьбами России грубый, необразованный, жестокий солдат Николай; потом неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный Александр II; потом совсем глупый, грубый и невежественный Александр III. Попал нынче по наследству малоумный гусарский офицер, и он устраивает со своими клеветами свой манчжуро-корейский проект, стоящий сотни тысяч жизней и миллиарды рублей.

Ведь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра может новая фантазия с помощью окружающих его негодяев взбрести в слабую голову властвующего человека, и человек этот может завтра устроить новый африканский, американский, индийский проект, и начнут опять вытягивать последние силы из русских людей и погонят их убивать на другой край света.

И происходило и происходит это не в одной России, а везде, где существовало и существует правительство, т. е. такая организация, при которой малое меньшинство может заставлять большое большинство исполнять свою волю. Вся история европейских государств – история бешеных, всходящих один за другим на престол, глупых, развратных людей, убивающих, разоряющих и, главное, развращающих свой народ.

Вступает в Англии на престол бессовестный, жестокий негодяй,

развратник Генрих VIII и ради того, чтобы прогнать жену и жениться на своей б...., выдумывает свое мнимо христианское исповедание, заставляет весь народ принять эту его выдуманную веру, и миллионы людей истреблены в борьбе за и против этого выдуманного исповедания.

Завладевает машиной величайший лицемер и злодей Кромвель и казнит другого, такого же, как он, лицемера Карла I и безжалостно губит миллионы жизней и уничтожает ту самую свободу, за которую он будто бы боролся.

Владеют во Франции машиной разные Людовики и Карлы, и всё их царствования такой же ряд злодейств: убийства, казни, избиения, разорения народа, бессмысленные войны. Казнят, наконец, одного из них, и тотчас же Мараты и Робеспьеры захватывают машину и творят еще ужаснейшие преступления, губя не только людей, но великие истины, провозглашенные людьми того времени. Захватывает власть Наполеон и губит миллионы людей во всей Европе, То же происходит в Австрии, Италии, Пруссии. Такие же глупые, безнравственные властители и такие же жестокие, губительные для народа дела их, И всё это не только дела прошедшего, не то, что происходило когда-то и больше уже не повторится, – всё это происходит теперь, сейчас, везде, в самых мнимо свободных конституционных государствах и республиках, точно так же как и в деспотических, и в Англии, и в Турции, и в Германии, и в Абиссинии, и во Франции, и в России, и в Соединенных Штатах Америки, и в Марокко, и везде, где только действует машина, называемая правительством.

Везде, несмотря ни на какие конституции, без всякой внутренней надобности, только по разным сложным отношениям лиц, партий начинаются войны, как последние войны то французов, то англичан с Китаем, то англичан с бурами, то с Тибетом, то с Египтом, то Италии с Абиссинией, то России, Франции, Англии, Америки, Японии с Китаем, то теперь России с Японией.

Везде, где существует такое учреждение, посредством которого меньшинство может заставлять большинство делать всё то, что это меньшинство назовет законом или правительственными распоряжениями, везде каждый человек большинства всегда в опасности того, что на него и его семью могут обрушиться самые ужасные бедствия – и не стихийные бедствия, независимые от воли людской, а бедствия, происходящие от людей, тех нескольких людей, которым он добровольно отдался в рабство.

III.

Вот что писал об этом предмете еще в XVI веке французский писатель Лабоэти:

«Разумно – любить добродетели, уважать подвиги, признавать добро,

откуда бы мы его ни получали, и даже лишаться своего удобства для славы и выгоды того, кого любим и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать, и великую заботу, чтобы управлять ими, и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, то я не думаю, чтобы это было неразумно...

Но боже мой! как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только повинуются, но служат, не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком, и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости не от войска, не от варваров, но от одного человека, и не от Геркулеса или Самсона, но от человека большей частью самого трусливого и женственного из всего народа.

Как назовем мы это?

Скажем ли мы, что такие люди трусы?

Если бы два, три, четыре не защищались от одного, это было бы странно, но всё-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества: но если сто тысяч людей, сто, тысяча деревень и городов, миллион людей не нападают на того одного, от которого все страдают, будучи его рабами, как мы назовем это? Трусость ли это?

Во всех пороках есть известный предел: двое могут бояться одного и даже десять, но тысяча, но миллионы, но тысяча деревень, если они не защищаются против одного, то это не трусость, она не может дойти до этого; так же как и храбрость не может дойти до того, чтобы один ваял крепость, напал на армию и завоевал государство. Итак, какой же это уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок, которому нельзя найти достаточно скверного названия, который противен природе и который язык отказывается назвать...

Мы удивляемся храбрости, которую внушает свобода тем, кто ее защищает. Но то, что совершается во всех странах, со всеми людьми, всякий день, именно то, что один человек властвует над ста тысячами деревень, городов и лишает их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это? И если бы это можно было видеть только в чужих и отдаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдуманно, чем справедливо? Ведь того одного человека, который угнетает всех, не нужно побеждать, не нужно от него защищаться, он всегда побежден, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего не давать ему. Стране не нужно ничего делать, только бы она ничего не делала против себя, и народ будет свободен. Так что сами народы отдают себя во власть государям; стоит им перестать рабствовать, и они станут свободны. Народы сами отдают себя в рабство, перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается со своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы, и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека и

естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство жизни борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, раз она может быть приобретена одним желанием? Человек, при помощи одного желания, может возратить благо, за которое стоит отдать жизнь, – благо, утрата которого делает жизнь мучительной и смерть спасительной, может, но не желает этого. Как огонь от одной искры делается большим и все усиливается, чем больше он находит дров, и тухнет сам собой, сам себя уничтожает, теряет свою форму и перестает быть огнем, если только дров не подкладывают; так же и властители; чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше разоряют и уничтожают, чем больше им дают и им служат, тем они становятся сильнее и жаднее к уничтожению всего; тогда как если им ничего не дают, не слушаются их, то они без борьбы, без битвы становятся голы и ничтожны, становятся ничем, так как дерево, не имея соков и пищи, становится сухой, мертвую, веткою.

Чтобы приобрести желаемое благо, смелые люди не боятся опасности. Если трусливые и не умеют переносить страдания и приобретать благо, то желание иметь его остается при них, хотя они и не стремятся к нему, вследствие своей трусости. Это желание свойственно и мудрым и неразумным, и храбрым и трусам. Все они желают приобрести то, что может сделать их счастливыми и довольными; но я не знаю, почему люди не желают только одного: свободы; свобода – это великое благо; утрата ее влечет за собою все другие бедствия; без нее даже и те блага, которые остаются, теряют свой вкус и свою прелесть. И это – то великое благо, для получения которого достаточно одного: пожелать его, люди не желают приобрести, как бы только потому, что оно слишком легко достижимо.

Бедные, несчастные люди, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к своему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего дохода, грабить ваши поля, ваши дома, вы живете так, как будто все это принадлежит не вам. И все эти бедствия и разорения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе создаете, за которого вы мужественно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть. Тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, две руки, одно тело и ничего не имеет, чего бы не имел ничтожнейший человек из бесчисленного количества ваших братьев; преимущество, которое он имеет перед вами, – только то право, которое вы даете ему: истреблять вас. Откуда бы взял он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы не давали их ему? Где бы он достал столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас? Или откуда веялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши села? Откуда они у него, если они не ваши? Откуда бы была у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как бы мог он нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что бы он мог сделать вам, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете для того, чтобы он уничтожал ваши посевы, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей; вы воспитываете ваших детей с тем, чтобы он вел их на свои войны, на

бойню, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений; вы надрыгаетесь в труде для того, чтобы он мог наслаждаться удовольствиями и гваздаться в грязных и гадких удовольствиях; вы ослабляете себя для того, чтобы сделать его сильнее и чтобы он мог держать вас в узде. И от этих ужасов, которых не перенесли бы и животные, вы можете освободиться, если постараетесь даже не освободиться, но только пожелать этого.

Решитесь не служить ему более и вы свободны. Я не хочу, чтобы вы бились с ним, нападали на него, но чтобы вы только перестали поддерживать его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги».

Сочинение это было написано четыре века тому назад и, несмотря на всю ту ясность, с которой было в нем показано, как безумно люди губят свою свободу и жизнь, отдаваясь добровольно рабству, люди не последовали совету Лабозети, – только не поддерживать правительственное насилие, чтобы оно разрушилось, – не только не последовали его совету, но скрыли от всех значение этого сочинения, и во французской литературе до последнего времени царствовало мнение, что Лабозети не думал того, что писал, а что это было только упражнение в красноречии.

Как ни очевидно должно бы быть людям, что главные их бедствия происходят от того устройства, которое держит их в рабстве, люди продолжают поддерживать это устройство и отдаваться тем людям, которые стоят во главе его.

И каким людям? Людям таким отвратительным, как Екатерина, Людовик XI, как Яков английский, испанский Филипп, как Наполеоны I и III.

IV.

Ведь еще можно было бы как-нибудь оправдывать подчинение целого народа нескольким людям, если бы эти властвующие люди, уже не говорю, были самые хорошие люди, а хоть только не худшие люди; если бы хоть изредка властвовали не лучшие, но порядочные люди; но ведь этого нет, никогда не было и не может быть. Властвуют всегда наиболее дурные, ничтожные, жестокие, безнравственные и, главное, живые люди. И то, что это так, не есть случайность, а общее правило, необходимое условие власти. Вот что говорит Маккиавелли, человек, который знает, в чем состоит правительственная власть, как надо приобретать и поддерживать ее:

«Война, военное искусство и дисциплина должны составлять главнейший предмет забот каждого государя. Все его мысли должны быть направлены к изучению и усовершенствованию военного искусства и ремесла; он не должен увлекаться ничем другим, так как в этом искусстве вся тайна

силы власти государя, и, благодаря ему, не только наследственные государи, но даже и обыкновенные граждане могут достигать верховного управления. Презирать военное искусство значит идти к гибели, владеть им в совершенстве, значит обладать возможностью приобретения верховной власти...

Ни один государь, следовательно, не должен ни на минуту забывать о военном деле и в особенности должен постоянно упражняться в нем, в мирное время...

Страсть к завоеваниям – дело, без сомнения, весьма обыкновенное и естественное: завоеватели, умеющие достигать своих целей, достойны скорее похвалы, нежели порицания, но создавать планы, не будучи в состоянии их осуществлять, – и неблагоприятно, и нелепо.

Завоеватель может тремя способами удержать за собою покоренные страны, управляющиеся до этого собственными законами и пользовавшиеся свободными учреждениями. Первый способ: разорить и обессилить их; второй: лично в них поселиться, и третий: оставить неприкосновенными существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управления с ограниченным личным составом для удержания жителей в верности и повиновении...

Государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собою верховной власти, так как, изучив подробно разные обстоятельства, легко понять, что существуют добродетели, которые ведут к гибели лица, обладающего ими, и есть пороки усвоивая которые, государи только могут достигнуть безопасности и благополучия...

Государи, когда дело идет о верности и единстве их подданных, не должны бояться прослыть жестокими. Прибегая в отдельных случаях к жестокостям, государи поступают милосерднее, нежели тогда, когда от избытка снисходительности допускают развиваться беспорядкам, ведущим к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц...

Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно, и государям обыкновенно приходится выбирать, что в видах личной их выгоды, замечу, что полезнее держать подданных в страхе. Люди, говоря вообще, неблагоприятны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если государи осыпают их благодеяниями, они прикидываются приверженными к ним до самоотвержения и, как я уже выше говорил, если опасность далека, предлагают им свою кровь, средства и жизнь свою и детей своих; но, едва наступает опасность, – бывают не прочь от измены. Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопасности, обыкновенно погибает, потому что привязанность подданных, купленных подачками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретается, но не прочна, и, в минуты необходимости, нельзя на нее полагаться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности, и люди, вообще злые, пользуются первым предложением,

чтобы в видах личного интереса, изменить ей; боязнь же основывается да страхе наказания, никогда не оставляющем человека...

В военное время, вообще располагая значительными армиями, государи могут быть жестокими без боязни, так как без жестокости трудно поддержать порядок и повиновение в войсках...

Возвращаясь в вопросу, что выгоднее для государей, то ли, когда подданные их любят, или когда они их боятся, я заключаю, что так как в первом случае они бывают в зависимости от подданных, возбуждая же боязнь, бывают самостоятельны, то для мудрого правителя гораздо выгоднее утвердиться на том, что зависит от него, нежели на том, что зависит от других. При этом однако же, как я уже сказал, государи должны стараться не возбуждать к себе ненависти...

Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия. Первый способ – способ человеческий; второй – способ диких животных; но так как первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами.

Государь, действуя грубой силой, подобно животным должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, он не будет уметь остерегаться и избегать западни, которую будут ему ставить; будучи же только лисицею, он не будет уметь защищаться против врагов, так что, для избежания сетей и возможности победы над врагами, государи должны быть и львами и лисицами.

Те, которые захотят щеголять одной только львиной ролью, выкажут этим лишь крайнюю свою неумелость.

Предусмотрительный государь не должен, следовательно, исполнять своих обещаний и обязательств, раз такое исполнение будет для него вредно, и если все мотивы, вынудившие его обещание, устранены. Конечно, если бы все люди были честны, – подобный совет можно было бы счесть за безнравственный, но так как люди обыкновенно не отличаются честностью, и подданные относительно государей не особенно заботятся о выполнении своих обещаний, то и государям относительно их не для чего быть щекотливыми. Для государей же не трудно всякое свое клятвопреступление прикрывать благовидными предложениями. В доказательство этого можно привести бесчисленные примеры из современной истории, можно указать на множество мирных трактатов и соглашений всякого рода, нарушенных государями или оставшихся мертвой буквою за неисполнением их. При этом станет очевидно, что в больших барышах оставались те государи, которые лучше умели подражать в своих действиях лисицам. Необходимо, однако же, последний способ действий хорошо скрывать под личиной честности, государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания, потому что люди бывают обыкновенно до того слепы и отуманены своими насущными потребностями, что человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковверных людей, охотно поддающихся обману...

Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в

действительности... хорошими качествами... но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает. Скажу больше – действительное обладание этими качествами вредно для личного блага государя, притворство же и личина обладания ими – чрезвычайно полезны. Так, для государей очень важно уметь выказываться милосердными, верными своему слову, человеколюбивыми, религиозными и откровенными; быть же таковыми на самом деле не вредно только в таком случае, если государь с подобными качествами сумеет в случае надобности, заглушит их и выказать совершенно противоположные.

Едва ли кто-нибудь станет сомневаться в том, что государям, особенно только-что получившим власть или управляющим вновь возникающими монархиями, бывает невозможно согласовать свой образ действий с требованиями нравственности: весьма часто для поддержания порядка в государстве они должны поступать против законов совести, милосердия, человеколюбия, и даже против религии. Государя должны обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам и как я сказал выше, если возможно, не избегать честного пути, но в случае необходимости, прибегать и к бесчестным средствам.

Государя должны усиленно заботиться о том, чтобы каждая фраза, исходящая из их уст, представлялась продиктованной совместно всеми пятью перечисленными мною качествами, чтобы слушающему государя особа его представлялась самую истину, самым милосердием, самым человеколюбием, самую искренность и самым благочестием. Особенно важно для государей притворяться благочестивыми; в этом случае люди, судящие по большей части только по одной внешности, так как способность глубокого суждения дана не многим, – легко обманываются. Личина для государей необходима, так как большинство судит о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие бывают в состоянии отличать кажущееся от действительного; и если даже эти немногие поймут настоящие качества государей, они не дерзнут высказать свое мнение, противное мнению большинства, да и побоятся посягнуть этим на достоинство верховной власти, представляемой государем. Кроме того, так как действия государей неподсудны трибуналам, то подлежат осуждению одни только результаты действий, а не самые действия. Если государь сумеет только сохранить свою жизнь и власть, то все средства, какие бы он ни употреблял для этого, будут считаться честными и похвальными».

Все эти истины известны были не только государям, к которым обращается Маккиавелли, но и всем людям, которые властвовали и теперь властвуют над людьми в какой бы то ни было форме: в форме ли деспотического монарха, президента, первого министра или собрания законодателей и управителей, все, особенно те, которые имели и имеют наибольший успех и, не читая Маккиавелли, всегда в точности исполняли и исполняют его правила.

В сущности, стоит только вдуматься в то, в чем состоит власть, чтобы понять, что не может быть иначе.

Власть над другим человеком есть не что иное как признанное право не только предавать других людей мучениям и убийствам, но и заставлять

людей мучить самих себя. А достигнуть того, чтобы люди по воле начальствующего мучили и убивали друг друга, нельзя иначе, как обманами, ложью, коварством и, главное, жестокостью. Так всегда поступали и не могут не поступать все властители.

V.

Прочтите или вспомните историю европейских христианских народов со времен реформации. Это непрерывный перечень самых ужасных, бессмысленно-жестоких преступлений, совершаемых правительственными людьми против своих и чужих народов и друг против друга: непрерывающиеся войны, грабежи, уничтожения или подавления народностей, истребление целых народов, разорение мирных жителей ради корыстолюбия, тщеславия, зависти или под предлогом установления религиозной истины, непрерывающиеся костры, на которых сжигаются среди тысяч рядовых людей и лучшие люди своего времени, измены, лжи, коварства, захваты чужих имущества, пытки, тюрьмы, казни и разврат, ужасающий, неестественный разврат, который можно увидеть только среди этих несчастных властителей. И это не одни Карлы IX, Генрихи VIII, Иоанны Грозные, но восхваляемые Людовики французские, Елизаветы английские, Екатерины, и Петры, и Фридрихи, все они делают только это. Современные правительства, то есть люди, составляющие правительство теперь (всё равно в неограниченной, ограниченной монархии, в республике) делают то же самое, но могут не делать, потому что в этом их дело.

Дело ведь их в том, чтобы посредством насилия, в виде податей прямых и косвенных, отбирать большую часть имущества у трудящегося народа и употреблять эти средства по своему усмотрению, то есть всегда для достижения партийных или своих личных, корыстных, честолюбивых, тщеславных целей. Во-вторых, в том, чтобы насилием поддерживать право одних людей владения землею, отнятой у всего народа. В-третьих, составлять наймом или призывом войско, то есть профессиональных убийц, и посылать этих убийц по своему усмотрению на убийства и грабежи тех или других людей. Или, наконец, составлять законы, которые оправдывали бы и освящали все эти злодеяния. И это самое делают теперешние Рузвельты, Николаи II, Чемберлены и Вильгельмы с своими помощниками и парламентами. В этом их дело. И потому дело это могут делать только самые безнравственные люди. Стоит только вдуматься в сущность того, в чем состоит употребление правительственной власти, для того чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоять ниже среднего нравственного уровня своего времени и общества. Не только нравственная, но и вполне безнравственная личность не может быть на престоле или министром или законодателем, решителем и определителем судьбы целых народов. Нравственный, добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник.

Деятельность всякого правительства есть ряд преступлений.

Так это представляется, когда рассматриваешь самую эту деятельность; но это еще очевиднее, когда рассматриваешь положение каждого отдельного человека, подлежащего власти правительства.

Огромное большинство людей, рождающихся на планете земле, тотчас же со дня своего рождения оказываются лишенными права пользоваться той землей, на которой они родились, — не только пользоваться тем, что есть на поверхности и внутри земли, но даже и права находиться на ней, не платя за это своим трудом тем, которым государственная власть передает право владеть землей как собственностью, защищая такой грабеж как священное право. Лишенный таким образом самого естественного и законного права на пользование землей, на которой он родился, такой человек отыскивает какое-либо другое средство существования и, чтобы насколько возможно улучшить положение свое и своей семьи, иметь досуг учиться, думать, отдыхать, общаться с людьми, он работает изо всех сил, отдавая узаконенную дань грабителю за право жить на земле и пользоваться ею; но его не оставляют в покое. С него прямыми или косвенными путями берут еще подати для оплаты чиновников, духовенства, в которых он может не нуждаться, или для учреждения дворцов, памятников и содержания двора и сановников, в которых он уже наверное совсем не нуждается, на содержание таможен, в которых он не только не нуждается, но которые вредны ему, на уплату процентов по государственным займам, совершенным за сотни лет до его рождения для войн, в которых не нуждались его предки, и на приготовления к войнам и на самые войны, которые не только не нужны, но губительны для него и для его близких. Он покоряется, потому что все эти требования поддерживаются насилием, т. е. угрозой убийства, и платит все эти подати, но правительственная машина и тут не оставляет его. В большинстве государств он должен, достигнув двадцатилетнего возраста, идти на военную службу, т. е. в самое жестокое рабство; в государствах же, где нет воинской повинности, должен платить для этого усиленные подати и, во всяком случае, быть готовым на все те бедствия, которые несут с собою войны.

Таковы те материальные бедствия, которые совершенно невинно претерпевает всякий человек от правительственной власти. Но это далеко не всё. Самое ужасное зло, совершаемое правительствами, это — умственное и нравственное развращение, которому они подвергают свои народы. Родится ребенок, и его тотчас же причисляют к вере, установленной государственной властью. Так это всегда было и так это и теперь в большинстве государств. Там же, где этого нет, ему от этого не легче. Как только он возрастет, его обязательно посылают в школу, учрежденную правительством. И в школе этой его неизменно учат тому, что правительство с своей властью вообще есть необходимое условие его жизни и что то самое правительство, среди которого он родился, есть наилучшее правительство в мире, будет ли это правительство русского царя, или турецкого султана, или правительство английское с своим Чемберленом и колониальной политикой, или правительство Северо-Американских Штатов с своим покровительством трестам и империализмом. Такова низшая, обязательная школа и таковы и все высшие школы, в которые может

поступить возросший гражданин русского, турецкого, английского, французского или американского государства. Но не только в школе, – в литературе, в собраниях, в памятниках, на улицах, в прессе, или подкупленной правительствами, или угождающей правительству, или принадлежащей богачам, опирающимся на правительство, – везде гражданин какого бы то ни было государства будет подвергаться тому развращающему внушению правительств о том, что власть вообще и его государство в особенности со своими цепями, тюрьмами, виселицами, войсками есть необходимое условие жизни его и его близких, есть почтенная, прекрасная, достойная всякого уважения и почестей деятельность, в которой каждый человек должен считать себя счастливым, если может участвовать, и представителей которой он должен почитать, преклоняться перед ними и подражать им.

Человек лишен всех своих самых естественных прав, большая часть его труда отнята от него в пользу дела зла, он незаметно для себя так запутан в расставленных со всех сторон сетях, что он такой же раб правительства, каковы были рабы рабовладельцев, с той только разницей, что рабы рабовладельцев могли быть рабами добрых и нравственных хозяев, правительственные же рабы – всегда рабы самых развращенных, жестоких и лживых людей.

И, что хуже всего, что будучи такими рабами самых жестоких и дурных людей, правительственные рабы не только не знают того, что они рабы, и не желают свободы, но и воображают, особенно в конституционных и республиканских государствах, что они совершенно свободные люди, и гордятся своим рабством.

VI.

«Что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможным существовать?»

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чем то, которое происходило от беззащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали ненужное и гораздо большее зло, чем всё то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю – полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой бóльшая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть починяется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что всё это устройство подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые более дерзки и бессовестны.

Нынче Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, после завтра безумный Павел, Николай, Александр III.

Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов; нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Родс.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину власти, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно. Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями...

Старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог со всеми ими делать всё, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодю или дураку захватить ее и делать с ними всё, что им нужно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?»

[1]

«Но разве можно жить без правительства? Без правительства будет хаос, анархия, погибнут все успехи цивилизации, и люди вернуться к первобытной дикости. Только троньте существующий порядок вещей, – говорят обыкновенно не только те, которым этот порядок вещей выгоден, но и те, которым он явно невыгоден, но которые так привыкли к нему, что не могут себе представить жизни без правительственного

насилия, – уничтожение правительства произведет величайшие несчастья: буйства, грабежи, убийства, в конце которых будут царствовать все дурные и будут в порабощении все хорошие люди, – говорят они».

[2]

«Все люди, находящиеся во власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильствовали добрых, подразумевая под этим то, что они–то и суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых.

Но ведь властвовать – значит насильствовать, насильствовать – значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие; следовательно, властвовать – значит делать другому то, чего мы не хотим чтобы нам делали, то есть делать злое.

Покоряться, значит предпочитать терпение насилию. Предпочитать же терпение насилию – значит быть добрым или хоть менее злым, чем те, которые делают другим то, чего не желают себе.

И потому все вероятия за то, что властвовали всегда и теперь властвуют не более добрые, а, напротив, более злые, чем те, над которыми они властвуют. Могут быть злые и среди тех, которые подчиняются власти, но не может быть того, чтобы более добрые властвовали над более злыми».

[3]

«И потому, не говоря уже о том, что всё это, т. е. буйства, грабежи, убийства, в конце которых наступит царство злых и порабощение добрых, – что всё это уже было и теперь есть, не говоря уже об этом, предположение о том, что нарушение существующего устройства произведет смуты и беспорядки, не доказывает того, чтобы порядок этот был хорош.

Только троньте существующий порядок, – и произойдут величайшие бедствия».

Только троньте один кирпич из тысяч кирпичей, сложенных в высокий, в несколько сажень, узкий столб, – и развалятся и разобьются все кирпичи. Но то, что всякий вынутый кирпич и всякий толчок разрушат такой столб и все кирпичи, никак не доказывает того, чтобы разумно

было держать кирпичи в неестественном и неудобном положении. Наоборот, это показывает то, что кирпичи не надо держать в таком столбе, а надо разложить их так, чтобы они твердо держались и можно бы было ими пользоваться, не разрушая всего устройства. То же и с теперешним государственным устройством. Государственное устройство есть устройство весьма искусственное и шаткое, и то, что малейший толчок разрушает его, не только не доказывает того, что оно необходимо, но, напротив, показывает то, что если оно и было когда-нибудь нужно, то теперь оно вовсе не нужно и потому вредно и опасно.

Оно вредно и опасно потому, что при этом устройстве все то зло, которое существует в обществе, не только не уменьшается и не исправляется, а только усиливается и утверждается. Усиливается и утверждается оно потому, что оно или оправдывается и облекается в привлекательные формы или скрывается.

Всё то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость – фикция. Всё, что может нарушить внешнее благообразие, все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрытаны по таким местам, где их нельзя видеть, но то, что они не видны, не доказывает того, что их нет; напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят. Правда, что всякое нарушение, а тем более прекращение правительственной деятельности, то есть организованного насилия, нарушит такое внешнее благообразие жизни, но это нарушение произведет не расстройство жизни, а только обнаружит то, которое было скрыто, и даст возможность исправления его.

Люди думали и верили до последнего времени, до конца нынешнего столетия, что они не могут жить без правительства. Но жизнь идет, условия жизни и взгляды людей изменяются. И, несмотря на усилия правительств, направленные к тому, чтобы удержать людей в этом детском состоянии, в котором обиженному человеку кажется легче, если есть кому пожаловаться, люди, в особенности рабочие люди, не только в Европе, но и в России, всё больше и больше выходят из ребячества и начинают понимать истинные условия своей жизни.

«Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы: китайцы, японцы, – говорят теперь люди из народа, – но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих народов, разоряя нас податями на содержание флотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом, как теперь вы это устроили с миролюбивыми китайцами. Вы говорите, что вы для нашего блага ограждаете земельную собственность, но ваше ограждение делает то, что вся земля или перешла или переходит во власть не работающих компаний, банкиров, богачей, а мы, огромное большинство народа, обезземелены и находимся во власти не работающих. Вы со своими законами о земельной собственности не ограждаете земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает. Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все

люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению, поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимости своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти не работающих людей...»

Говорят, что без правительств не будет тех учреждений: просветительных, воспитательных, общественных, которые нужны для всех.

Но почему же предполагать это? Почему думать, что неправительственные люди не сумеют сами для себя устроить свою жизнь так же хорошо, как ее устраивают не для себя, а для других правительственные люди?

Мы видим, напротив, что в самых разнообразных случаях жизни в наше время люди устраивают сами свою жизнь без сравнения лучше, чем ее устраивают для них правящие ими люди. Люди без всякого вмешательства правительства, и часто несмотря на вмешательство правительства, составляют всякого рода общественные предприятия – союзы рабочих, кооперативные общества, компании железных дорог, артели, синдикаты. Если для общественного дела нужны сборы, то почему же думать, что без насилия свободные люди не сумеют добровольно собрать нужные средства и учредить всё то, что учреждается посредством податей, если только эти учреждения для всех полезны? Почему думать, что не могут быть суды без насилия? Суд людей, которым доверяют судящиеся, всегда был и будет и не нуждается в насилии. Мы так извращены долгим рабством, что не можем себе представить управление без насилия.

Но это неправда. Русские общины, переселяясь в отдаленные края, где наше правительство не вмешивается в их жизнь, устраивают сами свои сборы, свое управление, свой суд, свою полицию и всегда благоденствуют до тех пор, пока правительственное насилие не вмешивается в их управление...

Десятки тысяч десятин леса, принадлежащих одному владельцу, тогда как тысячи людей рядом не имеют топлива, нуждаются в ограждении насилием. Так же нуждаются в ограждении заводы, фабрики, на которых несколько поколений рабочих были ограблены и продолжают ограбляться. Еще более нуждаются в ограждении сотни тысяч пудов хлеба одного владельца, дождавшегося голода, чтобы продавать его втридорога голодающему народу...

Обыкновенно говорят: попробуйте уничтожить право собственности земли и предметов труда – и никто, не будучи уверен в том, что у него не отнимут то, что он сработает, не станет трудиться. Надо сказать совершенно обратное: ограждение насилием права незаконной собственности, практикующееся теперь, если не уничтожило вполне, то значительно ослабило в людях естественное сознание справедливости по отношению пользования предметами, то есть естественного и прирожденного права собственности, без которого не могло бы жить человечество и которое всегда существовало и существует в обществе...

Понятно, что можно сказать, что лошадям и быкам нельзя жить без

насилия над ними разумных существ – людей; но почему людям нельзя жить без насилия над ними – не каких-либо высших существ, а таких же, какие они сами? Почему люди должны покоряться насилию именно тех людей, которые в данное время находятся во власти? Что доказывает, что эти люди – люди более разумные чем те, над которыми они совершают насилие?

То, что они позволяют себе делать насилие над людьми, показывает то, что они не только не более разумны, но менее разумны, чем те, которые им покоряются...

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. без насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: или люди разумные или неразумные существа. Если они неразумные существа, то они все неразумные существа, и тогда все между ними решается насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. И насилие правительства не имеет оправдания. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны на разуме, а не на насилии людей, случайно захвативших власть»...

[4]

«Люди и говорят, что... уничтожение государственной формы повлекло бы за собой уничтожение всего того, что выработало человечество, что государство как было, так и продолжает быть единственной формой развития человечества, и что всё то зло, которое мы видим среди народов, живущих в государственной форме, происходит не от этой формы, а от злоупотреблений, которые могут быть исправлены без уничтожения, и что человечество, не нарушая государственной формы, может развиваться и дойти до высокой степени благосостояния. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им неопровержимыми и философские, и исторические, и даже религиозные доводы. Но есть люди, полагающие обратное, именно то, что так как было время, когда человечество жило без государственной формы, то форма эта временная, и должно наступить время, когда людям понадобится новая форма, и что время это наступило теперь. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им тоже неопровержимыми и философские, и исторические, и религиозные доводы.

Можно написать томы в защиту первого мнения (они уже и давно написаны и всё еще пишутся), но можно написать (и тоже, хотя и недавно, но много и блестяще написано) и многое против него.

И нельзя доказать того, как это утверждают защитники государства, что уничтожение государства повлечет за собой общественный хаос,

взаимные грабежи, убийства и уничтожение всех общественных учреждений и возвращение человечества к варварству... Еще меньше можно доказать это опытом, так как вопрос состоит в том, следует или не следует делать опыт. Вопрос о том, наступило или не наступило время упразднения государства, был бы неразрешимым, если бы не существовал другой жизненный способ неоспоримого решения его.

Совершенно независимо от чьего бы то ни было суждения о том, созрели ли птенцы настолько, чтобы вылупиться из яиц, или еще не созрели для этого, неоспоримым решителем вопроса будут птенцы, когда они, уже не умещааясь более в яйцах, начнут пробивать их клювом и сами выходить из них.

То же с вопросом о том, наступило ли или не наступило для людей время уничтожения государственной формы и замены ее новой. Если человек, вследствие выросшего в нем высшего сознания, не может уже более исполнять требований государства, не умещается уже более в нем и вместе с тем не нуждается более в ограждении государственной формой, то вопрос о том, созрели ли люди для отмены государственной формы или не созрели, решается совсем с другой стороны и так же неоспоримо, как и для птенца, вылупившегося из яйца, в которое уже никакие силы мира не могут вернуть его, – самими людьми, выросшими уже из государства и никакими силами не могущими быть возвращенными в него.

«Очень может быть, что государство было нужно и теперь нужно для всех тех целей, которые вы приписываете ему, – говорит человек, усвоивший христианское жизнепонимание, – знаю только то, что с одной стороны, мне не нужно более государство, с другой, я не могу более совершать те дела, которые нужны для существования государства. Устраивайте для себя то, что нужно вам для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общего вреда государства; я знаю только то, что мне нужно и не нужно, что мне можно и нельзя. Я знаю про себя, что мне не нужно отделение себя от других народов, и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности к какому-либо народу и государству и подданства какому-либо правительству; знаю про себя, что мне не нужны все те правительственные учреждения, которые устраиваются внутри государств, и потому я не могу, лишая людей, нуждающихся в моем труде, отдавать его в виде подати на ненужные мне и, сколько я знаю, вредные учреждения; я знаю про себя, что мне не нужны ни управления, ни суды, производимые насилем, и потому я не могу участвовать ни в том, ни в другом; я знаю про себя, что мне не нужно ни нападать на другие народы, убивая их, ни защищаться от них оружием в руках, и потому я не могу участвовать в войнах и приготовлениях к ним. Очень может быть, что есть люди, которые не могут не считать всего этого нужным и необходимым; я не могу спорить с ними, я знаю только про себя, зато несомненно знаю, что мне этого не нужно»...

Людей таких уже очень много; но люди эти все-таки продолжают подчиняться государству и поддерживать его. Отчего это?

VII.

Причина этого, я думаю, такая: среди народов христианского мира ослаблена, затемнена, если не совершенно отсутствует в огромном большинстве главная движущая сила народа: религия. Какова бы ни была религия народа, как бы грубо она ни была выражена, всегда только на основании религии народа устанавливается тот или иной склад его жизни, и только на основании изменений, происходящих в религии народа, изменяется и склад его жизни. [6]

Это так, потому что главное направление и склад жизни каждого человека обуславливается тем назначением, которое он признает за собой в жизни, а так как определяет назначение человека только религия, то ясно, что как для отдельных личностей, так и для народов (как ни разнообразен склад жизни каждого народа) направление и склад жизни определяется преимущественно его религией. Само собой разумеется, что на склад жизни всякого народа, кроме религии, влияют и другие причины, но главное изменение и переход от низшего, менее совершенного состояния к высшему, более совершенному, обуславливается всегда только религией. Европейские народы перешли от низшего состояния к высшему, когда приняли христианство; также перешли на высшую степень развития арабы и турки, став магометанами, и народы Азии, приняв буддизм, конфуцианство или таосизм.

Совершившееся изменение в религиозном сознании народа неизбежно влечет за собою изменение и во внешних формах жизни народа. Так это всегда было, так это и теперь. Но бывают времена, когда в религиозном сознании людей произошло уже изменение, а между тем изменение это еще не успело выразиться во внешних формах жизни, и продолжается прежняя жизнь общества, сложившаяся на основании религиозного сознания, уже не признаваемого людьми этого общества. Происходит это оттого, что уяснение, очищение, изменение, рост религиозного сознания совершается непрерывно, незаметно; формы же жизни изменяются менее постепенно, несоответственно незаметному приросту сознания, изменяются порывами. Зародыш зерна растет непрерывно, оболочка же разрывается. То же и с сознанием и формой общественной жизни.

Нечто подобное испытывает каждый человек, переходя из одного возраста в другой. То, что совершается в жизни отдельного человека, совершается и в жизни целого общества. В сознании ребенка, переходящего в юношу, и юноши, переходящего в мужа, и мужа – в старика, совершаются изменения сознания, постепенные, незаметные,

но, переходя из одного возраста в другой, человек продолжает иногда долго еще жить мирозерцанием прежнего возраста. Не веря же тому, чему верил прежде, и не установив еще и нового отношения к миру, человек живет в такие периоды времени без всякого руководства.

И как отдельные люди в такие переходные времена часто живут особенно неразумной, мучительной, бурной жизнью, так это бывает в целых обществах людей, когда формы их жизни не отвечают уже их сознанию.

Таково, я думаю, время, которое переживают теперь христианские народы.

Религиозное сознание, на основании которого сложились существующие формы жизни, пережито человечеством, новое же религиозное понимание жизни еще не создано, и люди нашего времени живут без всякого определенного понимания смысла, назначения своей жизни и внутреннего руководства в поступках.

Одна, большая часть людей нашего мира исповедует различно извращенную, но всегда извращенную христианскую веру, под именем которой разумеется составленный за 1600 лет тому назад соборами свод утверждающих величайшие нелепости догматов. И эта прямо противоречащая всем современным знаниям и здравому смыслу мнимо христианская вера, не дающая никаких основ поведения, кроме слепой веры и послушания тем лицам, которые называют себя церковью, занимает то место, которое всегда занимала и должна занимать истинная религия, дающая объяснение смысла жизни и выведенное из этого смысла жизни руководство поведения.

Другая, меньшая часть людей, называющая себя просвещенными, образованными людьми, находится в положении еще более невыгодном для ведения доброй и разумной жизни. Люди эти, освободившиеся от обмана мнимо христианской веры, находятся под властью другого, еще худшего, чем церковное христианство, обмана, так называемого научного мировоззрения, из которого не может быть выведено никакого разумного руководства поведения. Мировоззрение это состоит в отказе от главного свойства жизни человеческой природы, отличающего человека от животного, – уяснения своего положения и назначения в мире, от того, что составляет сущность религиозного сознания, и в замене этого сознания собранием случайных, ничем не связанных между собою, ненужных наблюдений и знаний о самых разнообразных предметах. По мировоззрению этому (если можно так назвать отсутствие мировоззрения) всякая религия по существу своему есть заблуждение, и нет никакой надобности искать разумного объяснения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения, так как совершенно достаточное руководство поведения дает наука вообще и в особенности мнимая наука социологии, по законам которой движется человечество. Но так как наука эта только в будущем определит все законы жизни, то в действительности люди этого мировоззрения живут или бессознательно под внушением прежних религиозных правил или вовсе без всякого руководства, беспрепятственно предаваясь своим страстям и похотям и даже «научно» оправдывая их. Таково жалкое заблуждение меньшинства людей, считающих себя передовыми людьми общества.

Третья же часть людей нашего времени самая большая. Это люди всех родов, всех сословий, всех степеней образования, которые, совершенно освободившись от всякого стеснения церковной веры и из научного суеверия усвоив себе только то, что религии не должно быть, – не только живут, как животные, одной эгоистической, похотливой жизнью, но даже считают такую жизнь (борьба за существование, сверхчеловечество) последним словом человеческой мудрости.

Из этого – то подобия веры одной, большей части, и ни к чему не обязывающего, самодовольного, низменного мировоззрения или, скорее, отсутствия всякого мировоззрения малой части и из полной нравственной распущенности самой большей части слагается жизнь нашего мира. А так как ни в подобии веры, ни в отрицании ее и замене ее случайным собранием сведений о разных предметах, называемых наукой, ни в нравственной распущенности нет и не может быть ни движущей, ни сдерживающей силы, дающей направление деятельности людей нашего времени и общества, то и идет жизнь без какого бы то ни было руководящего начала, только по инерции прошедшего, всё больше и больше расходясь с смутно сознаваемым, свойственным нашему времени, возрасту общества религиозным сознанием, и потому становится всё более и более бессмысленной и мучительной.

VIII.

Положение нашего христианского мира теперь таково: одна, малая часть людей, владеет большей частью земли и огромными богатствами, которые всё больше и больше сосредоточиваются в одних руках и употребляются на устройство роскошной, изнеженной, неестественной жизни небольшого числа семей. Другая, большая часть людей, лишенная права и потому возможности свободно пользоваться землей, обремененная податями, наложенными на все необходимые предметы, задавленная вследствие этого неестественной, нездоровой работой на принадлежащих богачам фабриках, часто не имея ни удобных жилищ, ни одежд, ни здоровой пищи, ни необходимого для умственной, духовной жизни досуга, живет и умирает в зависимости и ненависти к тем, которые, пользуясь их трудом, принуждают их жить так.

И те и другие боятся друг друга и, когда могут, насилуют, обманывают, грабят и убивают друг друга. Главная доля деятельности и тех и других тратится не на производительный труд, а на борьбу. Борются капиталисты с капиталистами, рабочие с рабочими и капиталисты с рабочими. Так что, несмотря на доведенное до большого совершенства машинное производство, невознаградимо растрачиваются богатства земли и на поверхности и внутри ее; главное, непроизводительно, мучительно, бесполезно тратятся людские жизни. Самое мучительное в этом состоянии то, что как богатые, так и бедные, знают, что такая жизнь безумна, что гораздо выгоднее было бы и для богатых и для бедных, соединив свои силы, делить труд и произведение труда, но ни те ни другие не видят никакой возможности

изменить существующее положение и продолжают жить, ненавидя друг друга и вредя друг другу, сознавая при этом всё большее и большее ухудшение своего положения.

Кроме всех этих бедствий, происходит еще напряженная, непереставая борьба народов с народами, государств с государствами, выражающаяся тратами большей части трудов людских на приготовление к войнам, и почти не переставая происходят и самые войны, в которых погибают сотни тысяч людей в самую цветущую пору их жизни и развращаются миллионы людей. И точно так же как во всех испытываемых бедствиях, люди знают, что всего этого не должно быть и что эти вооружения и войны бессмысленны, губительны, ничем иным не могут кончиться, как разорением и озверением всех, но, несмотря на это, всё больше отдают свои труды и жизни на приготовление к войнам и на самые войны. Все знают, что всего этого не должно быть и может не быть, и все всё-таки делают всё то, что поддерживает и усиливает бедственность такого положения. И это сознание жизни, ведомой против своей выгоды, разума, желания, до такой степени мучительно, что, не видя выхода из этого противоречия, самые чуткие и горячие из людей разрешают его самоубийством (и таких становится всё больше и больше), другие, точно так же страдая от сознания противоречия своей разумной природы с жизнью, предаются неполному самоубийству – заглушению разума посредством одурения себя табаком, вином, водкой, опиумом, морфином. Третьи, кроме одурения себя разными наркотиками, стараются еще забыться, предаваясь всякого рода возбуждающим и отуманивающим забавам, зрелищам, чтением, различного рода умствованиям о совершенно бесполезных предметах, которые они называют наукой и искусством. Огромное же большинство, задавленное работой, тоже, не переставая одуряя себя наркотиками, которые предлагают ему его эксплуататоры, не имея времени подумать о своем положении, хотя и чувствуя, что то, что совершается, не то, что должно быть, живет одними животными потребностями.

И как богатые, так и бедные, поколения за поколениями живут и умирают без мысли о том, зачем они жили эту бессмысленную, мучительную жизнь, или с смутным сознанием о том, что вся эта жизнь была какая-то ужасная и жестокая ошибка.

IX.

Положение это ужасно особенно тем, что, живя такой мучительной жизнью, люди в глубине души сознают возможность совершенно другой жизни, жизни разумной, братской, без безумной роскоши одних и нищеты и невежества других, без казней, разврата, без насилия, без вооружений, без войн.

А между тем устройство жизни, основанное на насилии, до такой степени стало привычно людям, что люди не могут себе представить общей жизни без правительственной власти и даже так привыкли к нему,

что даже идеалы разумной, свободной, братской жизни стараются осуществить посредством правительственной власти, то есть насилия.

Заблуждение это стоит в основе всей неурядицы, как прошедшей, так и современной и даже будущей жизни христианских народов. Поразительный пример этого заблуждения представляет большая французская революция.

Деятели революции ясно выставили те идеалы равенства, свободы, братства, во имя которых они намеревались перестроить общество. Из принципов этих вытекали практические меры: уничтожение сословий, уравнение имуществ, упразднение чинов, титулов, уничтожение земельной собственности, распускание постоянной армии, подоходный налог, пенсии рабочим, отделение церкви от государства, даже установление общего всем разумного религиозного учения. Все это были разумные и благодетельные меры, вытекавшие из выставленных революцией несомненных, истинных принципов равенства, свободы, братства. Принципы эти, так же как и вытекавшие из них меры, как были, так и остались и останутся истинными и до тех пор будут стоять как идеалы перед человечеством, пока не будут достигнуты. Но достигнуты эти идеалы никогда не могли быть насильем. А между тем люди того времени так привыкли к единственному средству воздействия на людей, принуждению, что не видели того противоречия, которое заключается в мысли осуществления равенства, свободы, братства посредством насилия; не видели того, что равенство по существу своему отрицает власть и подчинение, что свобода несовместима с принуждением, и что не может быть братства между повелевающими и подчиняющимися. От этого все ужасы террора.

В ужасах этих виноваты не принципы, как думают многие (принципы, как были, так и останутся истинными), а способ их осуществления. То противоречие, которое так ярко и грубо выразилось в большой французской революции и вместо блага привело к величайшему бедствию, таким же осталось и теперь. И теперь это противоречие проникает все современные попытки улучшения общественного строя. Все общественные улучшения предполагается осуществить посредством правительства, то есть насилия. Мало того, противоречие это проявляется не только в настоящем, оно проявляется даже в представлении самых передовых социалистов, революционеров, анархистов о будущем устройстве жизни.

Люди хотят осуществить идеал разумной, свободной и братской жизни на начале принудительной власти, тогда как принудительная власть, как ни переставляй и ни обставляй ее, есть всегда присвоенное одними людьми право распоряжения другими и, в случае неповиновения, – принуждения посредством крайнего средства – убийства.

Посредством убийства осуществлять идеалы человеческого блага!

Французская большая революция была тем *enfant terrible*,

[7] который в своем охватившем весь народ восторге, при сознании

великих истин, открытых им, и при инерции насилия, в самой наивной форме выказал всю нелепость того противоречия, в котором билось тогда, бьется и теперь человечество: *liberté, égalité, fraternité, ou la mort.*

[8]

Х.

Причина того странного противоречия, вследствие которого люди пытаются осуществить идеалы равенства, свободы, братства посредством деятельности прямо противоположной этим идеалам и исключаящей возможность их осуществления, та (как и сказано выше), что людям смутно представляется уже свойственное возрасту человечества религиозное сознание, жизнь же продолжает идти в прежних формах, и люди так привыкли к ним, что не могут себе представить жизни вне форм, выросших из отжитого уже религиозного мировоззрения.

Ребенок стал взрослым, а всё еще по старой привычке хочет, чтобы его кормили, одевали, учили.

Формы жизни уже не соответствуют возрасту, но не усвоено еще сознание, соответственное возрасту. От этого то и все попытки улучшения своего положения люди нашего времени направляют на исправление, изменение, улучшение внешних правительственных форм – того, что по существу своему несовместимо с идеалом разумной, свободной и братской жизни и что не только для осуществления этой жизни, но для возможности приближения к ней, всё должно быть уничтожено.

«Только бы правительство действовало правильно или установлено было вместо дурного хорошее, – думает большинство людей нашего времени, – и всё исправится и будет хорошо, люди будут уравнены, будут свободны и будут жить согласно». Одни думают, что для этого нужно только не нарушать спокойное течение жизни существующих правительств, нужно поддерживать без изменений существующий, раз установленный порядок, и правительства сами всё устроят, только бы не мешали им. Это те, которые называются консерваторами. Другие думают и говорят, что настоящее дурное положение вещей должно и может быть изменено и исправлено введением новых законов и учреждений, обеспечивающих равенство и свободу людей. Это те, которых называют либералами. Третьи полагают, что теперешнее устройство все не годится, должно быть всё разрушено и заменено другим, более усовершенствованным, таким, которое устанавливало бы полное равенство, в особенности экономическое, обеспечивало бы свободу и утверждало бы братство всех

людей без различия государств. Это те, которые называются революционерами различных оттенков.

Все эти люди, хотя и не согласны между собою, все согласны в одном главном, что только правительственной, т. е. принудительной властью можно улучшить положение людей.

Так думают и говорят люди достаточные, имеющие время обсуживать общие вопросы. (В последнее время таких людей развелось особенно много. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что бóльшая половина времени всех достаточных, досужих людей занята рассуждениями и поучениями друг друга и спорами о том, как наилучшим образом поступать правительству и как следует поступать правительству для бóльшего или меньшего осуществления идеалов равенства, свободы, братства.)

Огромное же большинство бедных рабочих людей, не имеющих досуга для обсуждения общих вопросов и поучения друг друга, в сущности думают и говорят то же, а именно то, что улучшение общественного устройства может быть осуществлено только правительством, и не только не желают уничтожения правительства, но все свои надежды возлагают на улучшенную правительственную, настоящую или будущую власть. И не только думают так и богатые и бедные, но так и поступают.

В Китае, Турции, Абиссинии, России поддерживают старое устройство, не изменяя его, но всё идет хуже и хуже; в Англии, Америке, Франции посредством конституций и парламентов стараются улучшить общественное устройство, но идеалы равенства, свободы, братства так же, как прежде, далеки от осуществления.

Во Франции, Испании, в южно-американских республиках, теперь в России устраивали и устраиваются революции; но удаются или не удаются революции, после революций, как отогнанная волна, возвращается то же положение, иногда даже и хуже прежнего. Оставляют ли люди прежнюю правительственную власть или изменяют ее, стеснение свободы и вражда между людьми остаются те же. Те же казни, тюрьма, изгнания, та же несвобода покупать без податей то, что производится за известной чертой, или пользоваться орудиями труда, такое же, как при Иосифе прекрасном, повсюду лишение права рабочих людей пользоваться землей, на которой они родились; такая же вражда народов с народами; такие же, как и при Чингис-Хане, набеги на беззащитные народы Африки, Азии и друг на друга; те же жестокости; такие же пытки одиночного заключения и дисциплинарных рот, как и при инквизиции; те же постоянные армии и военное рабство; то же неравенство, какое было между фараоном и его рабами и теперь между Рокфеллерами, Ротшильдами и их рабами.

Меняются формы, но сущность отношения людей не изменяется, и потому идеалы равенства, свободы, братства ни на шаг не приближаются к осуществлению. Приближение к осуществлению этих идеалов если и произошло, то не вследствие изменения правительственных форм, а скорее несмотря на задерживающее влияние правительств. Если не так смело теперь грабят в городах, на улицах, то произошло это не от каких-либо новых законов, а от хорошего освещения улиц. Если не так

часто умирают люди от голода, то и это происходит не от законов и правительственного устройства, а от путей сообщения. Если перестали сжигать ведьм или употреблять пытку как средство открытия истины или резать носы, языки и уши для осуществления правосудия, то произошло это не от какого-либо нового устройства правительства, а от развития знания и добрых чувств, совершенно независимых от правительственного устройства.

Изменяются внешние формы согласно возрасту человечества, то есть развития умственных сил и власти над природой, но сущность остается та же, в роде как при падении тела оно может изменять свое положение, но линия, по которой будет двигаться центр его тяжести, будет всегда одна и та же.

Бросьте кошку с высоты: она может вертеться или лететь вверх или вниз головой, но центр ее тяжести не выйдет из линии падения. То же и с изменениями внешних форм правительственного насилия.

Казалось, люди, сознавая себя разумными существами, жизнь которых должна быть руководима идеалами разума и добра, должны бы были сделать одно из двух: или отказаться от разумных идеалов, несовместимых с насилием, или отказаться от насилия, перестать учреждать и поддерживать его. Но люди не делают ни того ни другого, а только всячески видоизменяют насилие, как человек, несущий бесполезную тяжесть, то дает ей иную форму или перекладывает ее со спины на плечи, с плеч на бедра и опять на спину, не догадываясь сделать одного нужного – бросить ее.

И что при этом хуже всего, это то, что озабочиваясь изменением правительственных форм насилия, того, что как бы оно ни изменялось, не может улучшить положения, – люди все больше и больше отдаляются от той деятельности, которая одна может улучшить их положение.

XI.

Человечество – христианское, может быть даже и всё человечество, стоит теперь на пороге огромного преобразования (в роде того, которое совершается в отдельном человеке, когда он из ребенка переходит в мужа), переворота, совершающегося не веками, но, может быть, тысячелетиями. Переворот этот двойной: внутренний и внешний. Внутренний состоит в том, что вера, религия, то есть объяснение смысла жизни, во все предшествующие времена (и чем дальше назад, тем больше) представлялась возможной только в форме таинственных, мистических, чудесных откровений и связанных с ними обрядов. Теперь же человечество в своих высших, в особенности христианских представителях, дошло до того, что ему стало не нужно мистическое объяснение смысла жизни посредством чудесных откровений и столь же излишним совершение предписываемых для угождения Богу обрядов, а стало достаточным и еще более убедительным, чем прежде мистическое,

простое разумное объяснение смысла жизни, из которого вместо прежнего исполнения обрядов с большей обязательностью, чем прежде, вытекает исполнение жизненных, нравственных требований.

Таков внутренний переворот, совершавшийся в продолжение тысячелетий, совершающийся и теперь, но дошедший до такой степени, при которой большинство людей уже способны усвоить себе это новое религиозное понимание. Взрослый человек начинает чувствовать, что он перестает быть ребенком.

Таков внутренний переворот. Внешний же переворот, связанный с внутренним и вытекающий из него, состоит в изменении форм общественной жизни, в изменении того начала, которое связывало прежде и теперь еще связывает людей в общественной жизни: в замене насилия разумным убеждением и согласием. Человечество перепробовало все возможные формы насильственного правления, и везде, от самой усовершенствованной республиканской до самой грубой деспотической, зло насилия остается то же самое и качественно и количественно. Нет произвола главы деспотического правительства, есть линчевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет прямых поборов и даней, есть косвенные налоги; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии. Несостоятельность насилия как средства общения людей, несоответствие его с требованиями современной совести слишком очевидно, чтобы существующий порядок мог продолжаться. Но внешние условия не могут измениться без изменения внутреннего, духовного состояния людей.

И потому все усилия людей должны быть направлены на совершение этого внутреннего изменения.

Что же нужно для этого? Одно и прежде всего: устранение тех препятствий, которые мешают людям понять свое положение и усвоить те религиозные начала, которые уже смутно живут в их сознании. Препятствия эти в наше время двоякие; обман церковный и обман научный.

Первый – в том, что людей уверяют те, которым это выгодно; что религия, для того чтобы служить ответом на главные жизненные вопросы людей и руководством жизни, для того чтобы быть религией, должна быть соединена с мистицизмом, с жречеством, чудесами, обрядами, богослужениями.

Второй, научный обман – в том, что тоже люди, которым это выгодно, внушают большинству, что религия вообще есть пережиток древнего периода жизни и что в наше время она может быть вполне заменена изучением законов жизни и общими выведенными и из рассуждения и из опыта правилами поведения.

Обман церковных людей тот, что вместо объяснения смысла жизни они выставляют учение откровения, несогласное с современными знаниями, и вместо руководства поведения дают ряд правил и обрядов, независимых от жизни. Обман людей науки состоит в том, что они считают совершенно излишним метафизику религии, то есть объяснение смысла

жизни, воображая, что возможно руководство поведения без религиозной метафизической основы.

Церковные люди думают и утверждают, что религия, в которую они уже сами не могут верить, может быть полезна для народа. Люди же науки думают и утверждают, что религия, то, чем жило, живет и может двигаться вперед человечество, – есть остаток суеверия, которое должно быть оставлено, и что люди могут быть руководимы мнимыми законами, выводимыми из мнимой науки социологии.

Вот эти–то, особенно последние люди, называющие себя людьми науки, и составляют в наше переходное время главное препятствие к вступлению человечества на ту степень и внутреннего сознания и внешнего устройства, которая свойственна его возрасту.

Особенно вредны так называемые люди науки, потому что обман церковных жрецов успел уже так ярко и безобразно проявиться, что большинство людей не верит в него и если держится церковного учения, то только как предания, обычая, приличия, и всё больше и больше освобождается от него.

Суеверие же научное находится теперь в самой силе, и люди, освободившиеся от лжи церкви и считающие себя свободными, сами того не замечая, находятся в полной власти этой новой, научной церкви. Проповедники этого учения усиленно стараются, с одной стороны, отвлекать людей от самых существенных, религиозных вопросов, направляя их внимание на разные пустяки, как происхождение видов, исследование состава звезд, свойств радия, теории чисел, допотопных животных и тому подобных ненужных глупостей, приписывая им такую же важность, какую прежние жрецы приписывали бессеменному зачатию, двум естествам и т. п. С другой стороны, стараются внушить людям, что религия, то есть установление отношения человека к миру и началу его, – совсем не нужна, что напыщенный набор слов о праве, нравственности, выдуманной, не могущей существовать науке социологии может вполне заменить религию. Люди эти, так же как церковники, уверяют себя и других, что они спасают человечество, и так же верят в свою непогрешимость, так же никогда не согласны между собою и распадаются на бесчисленные толки, и, так же как церкви в свое время, составляют в наше время главную причину невежества, грубости, развращения человечества и потому замедления освобождения человечества от того зла, от которого оно страдает, и того заколдованного круга, в котором вертится. Люди эти сделали то, что сделали строители, о которых говорится в писании: «они отвергли тот камень, который всегда был и будет главою угла, замком свода»; они отвергли то, что одно соединяло и может соединить воедино человечество: его религиозное сознание.

И от этого–то и происходит тот заколдованный круг – замена одного зла другим, в котором бесцельно кружится христианское человечество нашего времени. Люди, лишенные высшего человеческого свойства, религиозного сознания, признают ли они состоящее из суеверий церковное учение или неясные, многосложные и ненужные научные рассуждения, дающие еще менее, чем церковные суеверия, силой, независимой от людских велений деятельности, – не могут не только

разрушить существующий строй, но не могут, как бы они ни хотели этого, хоть на сколько–нибудь улучшить положение людей, приблизиться к идеалам равенства, свободы, братства, которые они желали бы осуществить.

У них нет сил для этого.

Осуществить идеалы вечные могут только люди, живущие не одной этой, а вечной жизнью. Только для таких людей возможно то, что для людей, живущих одной этой жизнью, представляется жертвой. Только жертвой благами этой жизни движется вперед человечество.

Жертва же возможна только для человека религиозного, то есть для такого, который считает свою жизнь в мире только частью, проявлением в общей жизни мира, и потому долженствующей подчиняться требованиям, законам этой всеобщей жизни. Для человека же, считающего эту жизнь всей его жизнью, такая жертва не имеет смысла, а не будучи в силах жертвовать, он не может уничтожить, уменьшить зло жизни. Он вечно будет передвигать зло с одного места на другое, но никогда не будет в силах уничтожить его.

И потому избавление людей от того зла, которое они терпят, есть только одно: распространение среди народов того одного истинного, высшего для нашего времени религиозного учения, смутное сознание которого уже живет в людях.

XII.

До тех пор, пока не будет усвоено человечеством (как всегда усваиваются людьми религиозные учения, одними – меньшинством – сознательно, свободно, другими же – большинством – верою, доверием, внушением) общего всем, разумного, соответствующего возрасту человечества вероучения, до тех пор будут изменяться формы жизни, зло же жизни будет не только оставаться то же, но будет всё увеличиваться и увеличиваться.

И такое вероучение давно существует и уже смутно сознается большинством людей нашего общества. Учение это–то есть всем известное, всеми признаваемое христианское учение в его истинном, освобожденном от извращений и лжетолкований значении. Учение это в своих главных, как метафизических, так и этических основах, признается всеми, не только христианами, но и людьми других вер, так как вполне совпадает со всеми великими религиозными учениями мира в их неизвращенном состоянии, – с браминизмом, конфуцианством, таосизмом, еврейством, магометанством, сведенборгианизмом, спиритуализмом, теософией, даже позитивизмом Конта.

Сущность этого учения в том, что человек есть духовное существо, подобное своему началу – Богу; что назначение человека – исполнение

воли этого начала – Бога; что воля Бога в благе людей; что благо людей достигается любовью; любовь же проявляется в делании другим того, что хочешь чтобы тебе делали. В этом всё учение.

Учение это не есть мистическое откровение о сверхъестественных проявлениях божества и его догматах и постановлениях, как утверждают христианские церкви, и не есть также только нравственное учение о согласной, выгодной для всех и разумной общественной жизни, как понимают христианство нерелигиозные люди науки. Учение это есть разумное объяснение смысла человеческой жизни, такое, при котором руководство поведения не предписывается извне, как правило, а само собою вытекает из того смысла, который человек приписывает своей жизни. Учение это, хотя и не признает ничего сверхъестественного, как его перетолковывают в церкви, не есть однако и рассудочное руководство в общественной жизни, как думают нерелигиозные люди науки.

Учение это есть религия, т. е. установление отношения человека к миру и началу его. Учение это дает ответы на вопросы: что такое человек по отношению к бесконечности в пространстве и времени, среди которых он появляется, и в чем назначение его жизни, и потому дает людям, признающим это учение, не ряд правил и заповедей, подтверждаемый сверхъестественными чудесами, как это делает церковь, и не сомнительные и желательные, условные и выгодные в данную минуту для общественной жизни правила поведения, выводимые из опыта и рассуждения, как это делает наука, а дает разумное объяснение смысла жизни каждого человека, из которого сами собою вытекают вечные и во всех условиях одни и те же правила поведения.

Этим отличается истинное христианское учение от церковного христианства с его мистицизмом, чудесами и от того утилитарного, ни на чем не основанного нравственного учения нерелигиозных людей, сами того не замечая берущих из христианского учения, которого они не признают, одни выводы, а не самую сущность.

До тех пор, пока это учение не в извращенном (церковном) виде и не лишенное главной его основы – метафизического начала: отношение человека к Богу, – пока это учение не будет признано в его истинном значении людьми христианского мира и не будет распространено между всеми так же, как теперь распространена церковная вера, до тех пор не изменятся и те формы всякого рода, в особенности правительственного насилия, от которого теперь больше всего страдают люди.

Какие же для этого должны быть приняты меры?

Мы так привыкли к ложной мысли, что улучшение в жизни людей может быть произведено внешними (и большей частью насильственными) средствами, что и изменение внутреннего состояния людей нам кажется, что может быть достигнуто только внешними мерами, воздействующими на других. Но это не так.

И в том великое счастье людей, что это не так. Если бы это было так, и люди могли бы внешними средствами изменять друг друга, то, во–

первых, неразумные, легкомысленные люди могли бы, ошибаясь, изменить людей, портя их и лишая их их блага, а, во-вторых, такая деятельность людей для достижения блага жизни внешними средствами могла бы встретить непреодолимые препятствия.

Но это не так: изменение внутреннего, духовного состояния людей всегда находится во власти каждого отдельного человека, и человек, не ошибаясь, всегда знает, в чем истинное благо его самого и всех людей, и ничто не может остановить или задержать его деятельности для достижения этой цели. Достигает же человек этой цели – блага своего и других людей – только внутренним изменением самого себя, уяснением и утверждением в себе разумного, религиозного сознания и своей соответственной этому сознанию жизнью. Как только горящее вещество зажигает другие, так только истинная вера и жизнь одного человека, сообщаясь другим людям, распространяет и утверждает религиозную истину. А только распространение и утверждение религиозной истины улучшает положение людей.

И потому средство избавления от всех тех зол, от которых страдают люди, и в том числе от того ужасного зла, которое совершается правительствами (как все теперешние бедствия в России), как это ни кажется странным, только одно – внутренняя работа каждого человека над самим собою.

«Марфа, Марфа, печешеся о мнозем, единое на потребу».

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».]

*№ 1.

Единственное средство.

Положение не только нашего христианского мира, но всего человечества теперь такое: самая большая часть людей – бедные, рабочие люди живут и умирают в невежестве и нужде, ненавидя тех, которые принуждают их жить так; малая часть, правящая людьми прямо силой или деньгами через силу, живут праздно, роскошно, но беспокойно,

потому что знают, что большинство людей ненавидит их и готово убить их всѣхъ, только бы освободиться отъ нихъ. Всѣ, кромѣ самыхъ легкомысленныхъ людей, видятъ это и или борются, чтобы освободиться, и ненавидятъ и страдаютъ, или борются, чтобы удержать свою власть, и тоже ненавидятъ и страдаютъ. И всѣмъ тяжело, и всѣ, вмѣсто жизни для блага своего и другихъ людей, проводятъ жизнь въ борьбѣ, ненависти и страданіяхъ.

Отчего это? И какъ поправить это?

Когда паръ остываетъ въ паровикѣ, онъ временами перестаетъ работать: то выкидываетъ струи пара, то останавливается, а главное, дѣлаетъ то, что весь паровикъ можетъ лопнуть и уничтожиться.

Тоже происходитъ въ наше время въ человѣчествѣ. Сила, двигающая, всегда двигавшая человѣчество, есть и была всегда вѣра, религія – то отношеніе, которое устанавливаетъ человѣкъ къ Богу или, кто не вѣритъ въ Бога, то къ міру, ко Всему безконечному по времени и пространству, окружающему человѣка.

То, что установленное человѣкомъ отношеніе его къ Богу руководитъ жизнью людей, не есть случайное явленіе, которое могло быть въ одномъ обществѣ людей и не быть въ другомъ, но есть необходимое условіе жизни человѣка, какъ разумнаго существа.

Поступки человека могутъ быть вызваны его потребностями, похотями, страстями, но надъ всѣми потребностями, похотями, страстями властвуетъ въ человѣкѣ, въ свободныя отъ страстей минуты, разумъ. И этотъ разумъ не только въ одномъ человѣкѣ, но во всемъ человѣчествѣ, переходя и совершенствуясь отъ поколѣнія, устанавливаетъ свои положенія о томъ, что свойственно человеку, устанавливаетъ законы разума, рѣшаетъ, что долженъ дѣлать человѣкъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Это установленіе высшихъ законовъ разума, вытекающихъ изъ отношенія человѣка къ Богу, къ міру, ко Всему, и есть то, что люди называютъ вѣрой, религіей, въ противоположность тому, что называютъ наукой. Различіе вѣры, религіи отъ науки въ томъ, что наука выводитъ свои данныя изъ внѣшняго опыта и потому можетъ служить руководствомъ для улучшенія внѣшнихъ условій жизни человека: какъ ему лучше кормиться, лечиться, передвигаться, жениться, сходиться въ общества и т. п.; не давая внутренней оцѣнки различнымъ дѣятельностямъ; религія же выводитъ свои данныя изъ внутренняго опыта и руководитъ человѣкомъ въ оцѣнкѣ поступковъ, въ выборе, между ними, въ достиженіи наибольшаго внутренняго блага. Такъ что для правильной жизни, даже для возможности жизни человека, какъ разумнаго существа, необходимы обе дѣятельности – и научная и религіозная. И одинаково нельзя допустить того, чтобы человѣкъ, какъ разумное существо, могъ жить, не обдумывая того, какъ ему наилучшимъ образомъ кормиться, лечиться, жениться, судиться и т. п., какъ и того, чтобы человѣкъ могъ жить, не разцѣпывая свои поступки, не считалъ бы нѣкоторыя дѣятельности прямо дурными и не старался избѣгать ихъ и изъ другихъ

не предпочиталъ бы одну другой.

Разница между этими двумя руководящими силами человечества, и очень важная разница, въ томъ, что въ научной дѣятельности человѣкъ можетъ довольствоваться самыми первобытно низшими сведеніями, по-немногу, по мѣрѣ жизни пріобретая все большія и большія свѣдѣнія; въ области же религіозной человѣкъ не можетъ довольствоваться неопредѣленными данными, не можетъ дожидаться возникновенія и уясненія ихъ. Въ области религіозной для оценки поступковъ человеку некогда дожидаться; ему сейчасъ надо жить, сейчасъ надо решать, какой поступокъ дѣлать и отъ какого воздерживаться. Человѣкъ можетъ жить безъ знанія астрономіи, физики, нетолько безъ телефоновъ, но и желѣзныхъ дорогъ, можетъ жить даже безъ железа, безъ земледѣлія, можетъ жить кочевой жизнью, но человѣкъ никакой никакъ не можетъ жить безъ религіознаго ученія – такого, которое указывало бы ему, что онъ долженъ и чего не долженъ делать. Не можетъ потому, что всякая жизнь и вся жизнь разумнаго человека состоитъ въ томъ, что онъ, кроме решенія, которое подсказываетъ ему потребность, похоть, страсть, онъ не можетъ не решать, хорошо ли или дурно ему подсказываетъ потребность, страсть, похоть и хорошо ли ему отдаться ей или бороться съ ней. Рѣшенія эти предстоятъ разумному человѣку всякую минуту, и потому ему нельзя жить безъ религіознаго руководства, безъ того, что называется религіей. Правда, что эти руководства прежнихъ временъ для людей позднѣйшихъ временъ часто представляются неразумными, потому что связаны съ неразумными представленіями, каковы различныя суевѣрія, но какія бы они ни были, они нетолько были нужны, но неизбѣжны, какъ дыханіе или, скорѣе, сердцебиеніе для животнаго организма, потому что безъ рѣшенія, что должно и что не должно дѣлать, не можетъ жить разумное существо – человѣкъ. И потому съ тѣхъ поръ, какъ жили люди, всегда было это руководство (религія) и всегда будетъ, пока люди будутъ люди.

* № 2.

Единственное средство.

Положеніе не только нашего христіанскаго міра, но всего человечества теперь такое: одна, малая часть людей владѣетъ ненужнымъ, часто огромнымъ богатствомъ и, пресытившись всѣми матеріальными благами міра, тоскуетъ, скучаетъ, отчаявается и прокликаетъ жизнь; другая, самая большая часть людей живетъ и умираетъ, не имѣя ни необходимыхъ жилищъ, ни одежды, ни пищи, въ невѣжествѣ и отчаяніи, и ненавидитъ тѣхъ, которые принуждаютъ ихъ жить такъ. Всѣ люди, и тѣ и другіе, завидуютъ другъ другу, боятся другъ друга и во взаимной борьбѣ насилуютъ, обманываютъ, грабятъ и убиваютъ другъ друга. Для поддержанія такого устройства жизни люди обманами пріобрѣтаютъ

власть надъ другими, силою оружія, угрозой смерти заставляютъ людей покоряться себе и мучаютъ и убиваютъ тѣхъ, которые властвуютъ надъ ними. Вслѣдствіи постоянной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ насиліемъ, обманомъ, хитростью жизнь всѣхъ людей лишена естественныхъ условій жизни: люди живутъ въ тѣсотѣ городовъ, безъ чистаго воздуха, безъ общенія съ природой, лишены всѣхъ естественныхъ радостей; люди, и богатые и бедные, предаются наслажденіямъ половой любви внѣ всякихъ сдерживающихъ условій, и среди всѣхъ сословій распространяется развратъ и мучительныя послѣдствія его. Дѣти перестаютъ родиться, а когда рождаются, то бросаются родителями и вообще такъ дурно ухаживаются, что вымираютъ въ огромныхъ количествахъ.

Усилія людей направлены не на производительность труда, а на борьбу другъ съ другомъ, и потому, несмотря на увеличеніе производствъ посредствомъ машинъ, тратятся непроизводительно страшныя силы, самыя первыя потребности людей остаются неудовлетворенными, и богатства земли, и на поверхности и внутри ея, растрачиваются бесполезно и невознаградиво. Вслѣдствіи всего этого люди вырождаются и слабѣютъ. Но мало того, что всѣ частныя люди въ борьбѣ между собой тратятъ лучшія силы и страдаютъ отъ этой борьбы: происходитъ еще страшная борьба народовъ противъ народовъ, государствъ противъ государствъ, и, кромѣ неперестающихъ безумныхъ тратъ на вооруженія, отъ времени до времени возникаютъ войны и убиваются десятки тысячъ людей въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни. Ужаснѣе всего при этомъ то, что вся эта сложная и страдальческая жизнь не заставляетъ людей одуматься и стараться всеобщимъ просвѣщеніемъ освободиться отъ этой мучительной жизни. Люди – малая часть – занимаются изученіемъ самыхъ ненужныхъ, утонченныхъ предметовъ, большая же масса остается въ величайшемъ невѣжествѣ, и люди, имѣющіе власть, стараются, и съ успѣхомъ, не допускать среди рабочаго народа истиннаго просвѣщенія, а вмѣсто него поддерживать въ народѣ старыя и внушать новыя суевѣрія и предрасудки. Положеніе такъ ужасно, что наиболѣе чуткіе люди, какъ только опомнятся немного и поймутъ положеніе челоуѣчества, такъ не будутъ участвовать въ этой ужасной жизни, лишая себя ея пулей, ядомъ, петлею, угаромъ; тѣ же, которые мелькомъ видятъ ужасъ и бессмыслицу окружающей ихъ жизни и предчувствуютъ невозможность примириться съ существующимъ ужасомъ, стараются не видѣть, забыть, одурманиться, и для этого всѣ отравляютъ себя опиумомъ, табакомъ, виномъ, водкой, морфиномъ. Самое же ужасное во всемъ этомъ то, что совершилось, то, что сказано въ евангеліи, что будутъ глады, моры, землетрясенія, войны, и главное, худшее послѣднее: охладѣетъ любовь. И это послѣднее совершилось въ поразительной степени: нетолько охладѣла любовь въ людяхъ, но въ людяхъ возникла ненависть другъ къ другу, та ненависть, которая должна сопутствовать борьбѣ, и ненависть эта нетолько не признается въ нашемъ мірѣ чѣмъ либо нехорошимъ, но, напротивъ, желательнымъ и необходимымъ условіемъ борьбы.

Отчего это? И какъ поправить это? невольно спрашиваютъ себя люди, и мудрецы міра сего, ученые, философы отвѣчаютъ, что происходитъ это

отъ того, что таковъ ходъ истиннаго прогресса и что мы находимся въ процессѣ этого прогресса, что все это такъ, какъ и должно быть, и что все это понемногу исправляется и что все это въ свое время совершенно исправится. И ученые и философы на всѣ эти бѣдствія представляютъ средства исправленія.

То, что одни люди живутъ въ избыткѣ богатства, а другіе въ нищетѣ и голодѣ, происходитъ отъ того, говорятъ одни ученые люди, что еще государственная власть не успѣла еще все устроить какъ надобно, но правительства заботятся объ этомъ и устроятъ со временемъ такъ, что бѣдные не будутъ страдать. Къ сожалѣнію, если бы кто и хотѣлъ повѣрить этимъ утвержденіямъ однихъ ученыхъ людей, онъ не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ другіе ученые люди, социалисты, говорятъ, что это надо устроить совсѣмъ иначе и что правительства надо уничтожить, и тогда все сложится какъ должно. Къ сожалѣнію, споръ идетъ не только между правительствомъ и социалистами, но споръ идетъ и между разными правительственными партіями и разными социалистическими партіями. Одни – сторонники правительства – говорятъ, что надо ограничить власть правительства, другіе говорятъ, что надо не стѣснять эту власть. Одни социалисты хотятъ осуществленія своей цѣли мирнымъ путемъ, другіе революціоннымъ.

То же, что люди живутъ неестественной жизнью въ городахъ, то это, по мнѣнію однихъ ученыхъ людей, исправится тѣмъ, что города такъ будутъ устроены, что жизнь въ нихъ будетъ для всѣхъ пріятнѣе и здоровѣе, чѣмъ въ деревнѣ; другіе же ученые люди говорятъ, что надо децентрализовать города и предлагаютъ средства, какъ это сдѣлать. То, что люди живутъ развратно, одни ученые исправляютъ регламентаціей, другіе запрещеніемъ, третьи измѣненіемъ формы семьи. Одни требуютъ допущенія развода, другіе свободы любви. Смертность и нерожденіе и гибель дѣтей одни ученые думаютъ исправить пріютами для дѣтей, другіе обязательствомъ отцевъ кормить семьи, третьи строгими наказаніями.

То, что производительность направлена не на то, что нужно массамъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ исправится тѣмъ, что когда рабочіе овладѣютъ орудіями труда, то они направятъ трудъ на нужное имъ, другіе думаютъ, что посредствомъ машинъ человекъ до такой степени овладѣетъ силами природы, что всѣхъ предметовъ будетъ производиться достаточно для всѣхъ. Истощеніе же силъ земли одни ученые считаютъ невозможнымъ, другіе считаютъ, что наука изобрѣтетъ такія средства, при которыхъ природныя средства будутъ ненужны. Химически будутъ приготовляться и пища и все, что нужно. То, что люди слабѣютъ и вырождаются, по мнѣнію однихъ ученыхъ, происходитъ отъ несовершенства медицины и гигиены. Все это устроится, когда наука медицины изслѣдуетъ всѣ бациллы и устранитъ все ненормальное въ человѣкѣ. О томъ, какъ совершится это избавленіе отъ болѣзней и вырожденія, мнѣнія ученыхъ очень раздѣляются, и идутъ большіе споры.

То, что всѣ государства тратятъ большую долю богатствъ на вооруженіе

и временами убивают десятки тысяч людей на войнах, происходит, по мнению одних ученых, от излишней власти правителей, по мнению других, от неустойчивости равновесия политического, по мнению третьих, по недостаточному развитию международного права и мирных судилищ и конференций.

То, что народ невежествен, происходит, по мнению одних ученых, что мало университетов, по другим – мало народных школ и библиотек, по третьим – от невыработанной еще системы преподавания. О себе же ученые люди вполне уверены, что они не только не невежественны, но находятся на высшей степени просвещения. В этом все сходится.

То, что люди стреляются и вешаются, происходит, по мнению одних ученых, от неврастения, по другим – от наследственности и должно пройти при применении всех выше упомянутых средств улучшения жизни.

То, что люди одурманиваются, по мнению некоторых ученых, большинство которых предается этому одурманиванию, есть вполне нормальное явление, по мнению же других, вредное явление, которое должно быть искоренено устройством противодействующих обществ.

То же, что есть между людьми любви, по мнению одних ученых, есть следствие сложности жизни, при движении же вперед со временем отношения людей опять станут лучше. По мнению же других, любовь есть суеверие, глупость, рабское свойство, дающее возможность властвовать одним над другими, и потому охлаждение любви есть только желательное явление.

Средств предлагается много, но я думаю, что стоит только серьезно задуматься во все эти средства, во все разнообразие их несогласий между собой, чтобы увидеть, что каждое средство не только не исцеляет, но отдаляет решение, вносит новое зло в мир. Неужели же есть такого средства исцеления и то положение, в котором находится теперь человечество, свойственно ему? И если есть это средство, то какое оно? Средство это есть и всегда было у человечества. Это тот камень, который отбросил строящий, а который становится во главу угла, т. е. в замок свода, тот камень, без которого ничто не держится.

Камень этот есть религия, т. е. то отношение, которое устанавливается человеком ко всему вечному и безконечному, окружающему его, к тому, что обыкновенно называется Богом.

* № 3.

Средств предлагается много, на всякое зло есть свое средство, даже

несколько. Неудобно при этом только то, что каждое средство производить вытекающее из него зло, против которого надо опять придумывать и придумывается средство, и так без конца. Так, например, для того чтобы смягчить различие богатства и бедности, нужно, по мнению одних, отбирать у богатых и давать бедным. Но для того чтобы сделать это, нужно сделать невозможным злоупотребление этой властью. Если же цель достигается средствами, предлагаемыми социалистами, то является новое затруднение в том, что нужно определить, какие предметы, в каком количестве нужно производить и сколько и где каждому человеку работать. Если допустить проституцию, нужна регламентация. А чем руководствоваться в регламентации? Если не допустить проституцию, то как бороться против сифилиса? Если допустить свободу любви, то как обезопасить детей? Если воспитательные дома, то как устроить их? Как обезопасить детей от злоупотреблений? Если устроить медицинскую помощь, борьбу с заразными болезнями, то как заставить людей исполнять требования гигиены и противодействовать заразным болезням? Если дать власть известным людям применять эти правила, то как обезопасить людей от злоупотреблений людей, которым дана будет власть? Если не держать войска, то соседние дикие народы нападут. Если держать войска, то сколько? И как обезопасить людей от захвата власти военными? Если предоставить решение вопросов международным судилищам, то как сделать, чтобы решения судилищ были обязательны? Дать им войска? Чем обезопасить народ от этих войска? Оставить злодеев без наказания или без удержу нельзя. Наказывать? Как? Если разрешить просвещение народа власти, то власть будет проповедовать не истину, а то, что ей нужно. Если предоставить полную свободу преподавания, воспитания, то будут проповедовать езуитизм и другие антигуманные учения. Запретите одуряющие вещества, народ будет тайно пользоваться ими. Взять правительству на себя продажу их – это поощрение этого порока. Каждое дело, как только оно производится людьми, извне неизбежно требует власти, насилия. Как только у людей есть власть, они могут злоупотреблять, и потому против этой возможности злоупотребления нужна опять власть. И опять власть людей, и потому опять надо учреждать новую власть.

Как ни очевидно, что это ни к чему не поведет, а только усложнит жизнь, люди делают это, и положение людей не улучшается, но усложняется.

Какой же выход из этого положения? Неужели люди поставлены в такое положение, чтобы вечно вертеться в этом кругу?

Так это кажется тем более разумным людям нашего времени, которые не утешаются мыслью о том, что замена одного зла другим уменьшает зло.

Кажется же это людям нашего времени потому, что люди нашего времени сделали то, что сделали строители, откинув тот камень, который должен стать во главу угла.

* № 4.

Вѣрить въ наше время тому, что Богъ 6000 лѣтъ тому назадъ сотворилъ міръ, живетъ на небе, послалъ своего сына спасти наказанный имъ родъ человѣческой, что библія произведеніе святого духа, что есть мощи, святые, претвореніе хлѣба въ плоть, что вѣра въ искупительную кровь Христа спасаетъ отъ грѣховъ, [9] въ наше время не то что трудно, но совершенно невозможно, а между тѣмъ эта и только эта вѣра безъ измѣненій или съ самыми малыми измѣненіями проповѣдуется какъ единая истинная, исключаящая всѣ другія вѣры, и взрослымъ и дѣтямъ. Если въ древнемъ мірѣ [10] самые образованные люди, какъ Сенека, Цицеронъ, не могли уже верить въ боговъ, Юпитеровъ и Венеръ, то какже требовать, чтобы образованные люди нашего времени могли вѣрить въ то, что преподается въ наше время какъ несомнѣнная божеская истина? Но мало того, въ то время только одни Плиніи, Петроніи, Сенеки видѣли нелепость и ложь греческой мифологіи, въ наше же время распространенія образованія и общенія народовъ большинство массъ рабочаго народа уже настолько образованы, что для нихъ также несомнѣстимы съ ихъ знаніями данныя преподаваемой религіи, какъ для Сенеки поклоненіе богамъ. Такъ что причина того страннаго на первый взглядъ явленія, что христіанское человечество нашего времени живетъ почти лишенное главной основы разумной жизни людей – религіи, заключается въ томъ, что христіанство переживаетъ въ наше время то переходное состояніе, которое свойственно переживать всякой религіи, но которое особенно значительно и рѣзко проявляется, во первыхъ, потому, что ни въ какомъ періодѣ времени не было такъ распространено образованіе между массами и такъ облегчено общеніе между людьми, во вторыхъ, и главное, потому положеніе это представляется намъ особенно рѣзкимъ, что мы сами переживаемъ его и страдаемъ отъ его ужасныхъ послѣдствій.

* № 5.

Къ счастью, великія и благотворныя движенія въ человечестве совершаются не паразитами, питающимися народными соками, а людьми религіозными. Я говорю религіозными, разумея подъ этими словами простыхъ, неиспорченныхъ людей, какова наша интеллигенція, такъ какъ всякій неиспорченный человекъ по своимъ человѣческимъ свойствамъ всегда религіозенъ.

И, слава Богу, христіанское ученіе все еще живетъ въ русскомъ народѣ

и движеть имъ и выведеть его изъ тѣхъ тупиковъ, въ которые заводять его руководители, на тотъ истинный путь, который предназначенъ ему его исторической судьбою.

* № 6.

Положеніе христіанскаго общества нашего времени совершенно подобно положенію бабочки, которая еще не въ силахъ разбить хризалиду, въ которой она вывелась. Люди нашего міра чувствуютъ, что старыя формы жизни отжили, не сходятся съ ихъ духовными требованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ себя не въ силахъ скинуть старую, отжившую форму. У бабочки отростають крылья, она не можетъ уже умѣщаться въ своей куколкѣ, и наступаетъ время, когда она должна выдти изъ нея.

* № 7.

Про Николая же II я знаю – je suis payé pour le savoir, [11] какъ говорятъ французы, – знаю, что это жалкій, слабый, очень глупый человѣкъ, который никакъ не можетъ быть причиной такихъ большихъ событій, которыя теперь совершаются и которыя какъ будто совершаются по его волѣ [...] Что можетъ сдѣлать онъ, жалкое, слабое, ничего не знающее существо, вѣрующее въ иконы, мощи? Развѣ можетъ онъ сдѣлать нетолько то, чтобы милліоны были собраны въ Россіи, брошены въ море, чтобы милліоны людей, страдая, озвѣрялись, чтобы всѣ разумные доводы были затуманены, чтобы религія Христа свелась къ грубымъ дьявольскимъ пожеланіямъ человѣкоубійства, чтобы развращались милліоны и милліоны взрослыхъ и дѣтей? Чтобы сдѣлать все это, нуженъ геній, богатырь, всевидящее, всемогущее существо. И кто же дѣлаетъ это? Глупый офицеръ, ничего не знающій и одураченный до полуидіотства.

Развѣ это можетъ быть?

* № 8.

Правительственная машина это такое учрежденіе, при которомъ нѣсколько людей или одинъ человѣкъ могутъ, ставъ во главѣ

управленія, распоряджатыся жизнью, имуществом и – что ужасно сказать – не только умственнымъ, но нравственнымъ состояніемъ всѣхъ людей того государства, во главѣ котораго они стали; они – нѣсколько людей или одинъ деспотъ, каковы были во Франціи сначала короли, потомъ Конвентъ, потомъ Наполеонъ, потомъ опять короли съ министрами и палатами, потомъ опять Наполеонъ, потомъ опять, но только уже безъ королей, министры съ палатами.

Такъ это и въ Англіи, и въ Германіи, такъ и въ Америкѣ, такъ это въ Турціи, въ Россіи, въ Японіи, вездѣ, гдѣ есть насилующее правительство.

Разница въ этихъ правительственныхъ машинахъ только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ: Франціи, Америкѣ, отчасти Англіи и Германіи управляютъ этими усложненными машинами большее, въ другихъ меньшее количество людей, въ нѣкоторыхъ же государствахъ съ старымъ простымъ механизмомъ машинами: управляетъ одинъ человекъ. Такъ это въ Турціи, въ Россіи.

Назначеніе этихъ правительственныхъ машинъ и предѣлы, которыхъ они держатся, заключается въ томъ, что машины эти обезпечиваютъ спокойную жизнь людей, въ дѣйствительности же правительственная учрежденія поддерживаются всегда для выгоды тѣхъ, которые находятся во главѣ ихъ, такъ какъ обладаніе этой властью даетъ правителямъ всѣ тѣ мірскія выгоды почести, славы, богатства, всякаго рода удовольствія, которыхъ только могутъ желать мірскіе люди. По этой же причинѣ и власть достается всегда тѣмъ, которые наиболее горячо желаютъ получить ее со всѣми сопутствующими ей выгодами и для достиженія и удержанія ея не брезгаютъ никакими средствами. Люди же, не брезгающіе никакими средствами для достиженія и удержанія власти, всегда самые дурные въ нравственномъ смыслѣ. Приобрѣта же власть, люди эти, вслѣдствіи лести и поклоненія окружающихъ, еще болѣе развращаются и представляютъ изъ себя наиболее развращенныя и падшія существа, какія только есть въ мірѣ.

Нигдѣ это нельзя видѣть съ такою очевидностью, какъ въ большой французской революціи, которая тѣмъ особенно интересна, что во время ея Якобинцы разобрали, какъ разбираютъ часы, всю машину, и стало всѣмъ ясно, изъ чего она слагалась и какъ была сложена. У короля и его приближенныхъ отняли власть, и тотчасъ же которые приобрѣли власть, употребили ее также, какъ король, на возвеличеніе себя и, главное, на обогащеніе, на развратъ. Потомъ власть у нихъ отнялъ Наполеонъ, сложилъ назадъ машину, какъ разобранные часы, и употребилъ свою власть на то же, на что употребляли ее король и Якобинцы, на возвеличеніе себя и на грабежъ. То же сдѣлали Бурбоны, Орлеаны, Наполеонъ III, тоже Панамисты, прошедшіе, настоящіе и будущіе.

Стоитъ только прослѣдить исторію имѣвшихъ власть среди европейскихъ народовъ, чтобы увидать неизмѣнное подтвержденіе этого закона: что власть приобретается для личныхъ, эгоистическихъ цѣлей и что имѣющіе

власть самые дрянные люди. Какъ ни стараются участники преступленій этихъ людей въ описаніяхъ ихъ жизни скрыть ихъ развращенность и низость и выставить ихъ благодѣтелями своихъ народовъ, великими, благословенными, миротворцами и т. п., стоитъ просмотрѣть исторію отъ Карловъ V до Лудовиковъ не только IX, XI но и XIV, XV и до Петра, Екатеринъ «великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I и до Чемберленовъ, Рузевельтовъ, Вильгельмовъ и Николаевъ II, чтобы видѣть, что не только нравственная, но не вполнѣ безнравственная личность на престолѣ или вообще въ обладаніи властью надъ судьбами цѣлыхъ народовъ также невозможна, какъ цѣломудренная проститутка или воздержанный пьяница. Въ сущности стоитъ только вдуматься въ то, въ чемъ состоитъ сущность власти, чтобы понять, что это не можетъ быть иначе.

Не говоря уже о томъ, что всякое лицо, находящееся во власти, беретъ на себя насильственное взиманіе податей, т. е. лишеніе трудящагося народа произведеній его труда для общихъ цѣлей, беретъ на себя отвѣтственность за налагаемыя наказанія, за поддержаніе несправедливо нажитыхъ богатствъ, собственности земли и за угнетеніе бѣдныхъ и многое другое, не говоря объ этомъ, всякое лицо, находящееся во власти, отъ Вильгельма до Рузевельта, или руководить смертью, убійствомъ или готовится къ нему. Развѣ можетъ исполняющій такія дѣла человекъ быть не до корня развращеннымъ человекомъ? Нельзя безгрѣшно властвовать. Самая власть надъ другимъ человекомъ и насиліе и угроза имъ не могутъ быть дѣломъ нравственнаго человека. И потому глубоко безнравственные люди были, есть и всегда будутъ всѣ люди, пользующіеся властью.

Таковы всѣ, но, мнѣ кажется, ни на какихъ людяхъ это такъ не замѣтно, какъ на людяхъ, властвовавшихъ въ Россіи.

Отъ того ли, что я русскій и я хорошо знаю внѣшнюю исторію Россіи, или отъ того, что въ Россіи этотъ законъ безнравственности и низости лица, находящагося во власти, особенно ярко проявился, исторія Россіи со временъ Имперіи служитъ поразительнымъ подтвержденіемъ этого закона.

Послѣ изверга, пьянаго сифилитика, труса, какъ всѣ злодѣи, безбожника, восхваленнаго Петра, распутная дѣвка Катька, потомъ любовница конюха и, наконецъ, мужеубійца, распутнейшая изъ распутныхъ нѣмка Екатерина «великая», потомъ признанный, потому что его убили, полубѣшеннымъ Павель, который также, какъ его отецъ, былъ несравненно лучше жены и матери, потомъ отцеубійца, лгунъ, ханжа Александръ, потомъ глупый, грубый и жестокій солдатъ Николай, потомъ Александръ по своей фантазіи и увлеченію уничтожающій рабство и потомъ по новой фантазіи и увлеченію отвергающій все начатое и возвращающейся къ грубому солдатству Николая, потомъ совсѣмъ глупый, жирный мѣшокъ Александръ III, тоже рѣшающій по своему усмотрѣнію судьбы 100 милліоновъ народа, и вотъ Николай II, съ своими иконами, мощами, дочерьми и жалкимъ младенцемъ, благословляющій войны, устроившій безцѣльную, бессмысленную погибель милліардовъ рублей и

сотень тысяч людей на Дальнем Востоке.

И все – от Екатерининских тех мерзостей, раздела Польши и раздаривания десятков тысяч крестьян своим мальчикам любовникам, до теперешнего разорения и развращения миллионов людей, – все это для той машины, при которой может третьего дня править этими миллионами конюх, которого полюбила толстая Анна, вчера пьяная дёвка Елисавета с своим любовником или мерзкая, распутная старуха, подбирая себе мальчиков любовников и для них устраивая то греческий, то индийский проект, нынче гусарский малоумный офицер, устроивший японскую войну, и т. д.

* № 9.

В книгах государственного права пишут всякий вздор о том, как и для чего возникают государства и правительства, о патриархальном государстве, о договорах и т. п. выдумках, основанных на мнимо глубокомысленных соображениях о происхождении государств в доисторические времена и о том, что замечается между дикими народами. В действительности же всякий знает, что всё известное нам в исторические времена государства возникли не из патриархальной власти и не из договоров, а из завоеваний, как это нам известно по истории, как это происходило в старину, как происходит и теперь.

Приходят войска, руководимыя государем или полководцем государя, захватывают землю с живущим на ней народом и подчиняют его власти того правительства, которому принадлежат войска. Так подчиняют людей государственной власти. И захватывают и удерживают власть правители совсем не для того, как это пишут в государственном праве, чтобы обеспечивать спокойствие, собственность, безопасность жизни граждан, а для того, для чего захватывали власть у нас в России Борис Годунов, самозванец, Бирон, Меншиков и Екатерина, Бирон с Анной, Елисавета, Екатерина и для чего захватывали власть и подчиняли себе сибирские народы и крымских Татар, и запорожцев, и Поляков, и Грузин. Захватывают правители и удерживают власть над народом не для народа, а для себя, для того чтобы удовлетворить своим страстям, славолюбию, властолюбию, гордости, сластолюбию, корысти.

IV.

Это так ясно и просто, что надо быть доведенным до последней степени научного одурения или коварной и льстивой лживости, для того чтобы отыскивать причину возникновения государства и государственной власти в каких-то патриархатах, матриархатах, договорах и т. п., а не видеть того простого, рожущего глаза факта, что со времени

Кировъ и Александровъ до нашего времени государства съ своей властью возникали только отъ того, что болѣе злые, безсовѣстные, сильные, хитрые люди подчиняли своей власти менѣе злыхъ, болѣе совѣстливыхъ, менѣе сильныхъ и хитрыхъ людей и властвовали надъ ними.

Нельзя было бы достаточно изумляться тому

[12] столь распространенному[13] и пользующемуся[14] такимъ уваженіемъ ученію вообще права и въ особенности государственнаго, представляющему[15] въ основѣ своей поразительную глупость, если бы эта глупость не объяснялась желаніемъ людей оправдать тѣ дурныя дѣла, въ которыхъ они участвуютъ. И не шли къ свѣту, потому что дѣла ихъ были злы. Вѣдь кажется несомнѣнно ясно, что всякое государство есть учрежденіе для совершенія постоянного насилія меньшинства надъ обманутымъ большинствомъ. Учрежденія бываютъ самыя разнообразныя, но сущность учрежденій всегда одна и таже. Это такъ ясно и очевидно, что трудно понять, для чего понадобилось придумывать всѣ эти разсужденія о нормахъ, субъектахъ, объектахъ, договорахъ и т. п., которыми наполнены горы книгъ. А для того чтобы не назвать вещь по имени и оправдать дурное дѣло, въ которомъ мы участвуемъ. Оправданія эти дѣлаются часто не умышленно, а безсознательно: людямъ кажется, что дѣло столь обще-распространенное, въ которомъ они участвуютъ, не есть ихъ дѣло, а нѣчто стихійное, не зависящее отъ воли человѣка. Это заблужденіе людей, довольно обычное, повторяющееся въ разныхъ областяхъ человѣческой мысли, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ заблужденій. Человѣкъ заблуждается. Это не важно. Человѣку свойственно заблуждаться. Жизнь, опытъ, мудрость лучшихъ людей укажетъ заблужденія, и человѣкъ исправитъ его. Но ужасно, когда заблужденіе возводится ложными разсужденіями въ законъ жизни. Когда это сдѣлано, становится страшно трудно разрушить заблужденіе. И вотъ это то самое возведеніе заблужденія въ законъ жизни и дѣлаетъ то зловерное ученіе, которое называетъ себя наукой въ области человѣческой дѣятельности. То же, что дѣлается по отношенію государства да по волѣ того, что они называютъ правительствомъ, подобно вотъ чему. Положимъ, что существуетъ учрежденіе ростовщическаго характера, разоряющаго семьи бѣдняковъ. Человѣкъ, не участвующій въ этомъ заведеніи, ясно видитъ, въ чемъ тутъ дѣло, и если у него спросятъ, что такое это учрежденіе, онъ безъ малѣйшаго сомнѣнія и размышленія скажетъ, что онъ видитъ, что собралось нѣсколько безсовѣстныхъ и безжалостныхъ людей, которые, вмѣсто того чтобы зарабатывать себѣ пропитаніе трудомъ, рѣшили воспользоваться нуждою бѣдныхъ и выдаютъ имъ за огромные % деньги подѣклады. Бѣдняки же разоряются, отдавая свои труды этимъ ссудчикамъ. Такъ совершенно вѣрно и просто опредѣлить это учрежденіе всякій человѣкъ, свободный отъ участія въ немъ. Но не то будетъ съ участниками этого учрежденія, вся жизнь которыхъ, держится на этомъ учрежденіи. Такому

человѣку непріятно признать дѣло какъ оно есть, и онъ очень радъ будетъ повѣрить разсужденіямъ о томъ, что кредитъ есть необходимое условіе промышленности и торговли, что деньги, какъ и всякій предметъ, подлежатъ закону требованія и предложенія, и что касса, въ которой онъ участвуетъ своими акціями, возникла по сложнымъ и неизмѣннымъ экономическимъ законамъ, и что такія кассы должны быть также неизмѣнно, какъ должны рѣки течь въ море, и т. п.

Только этимъ можно объяснить тѣ ужаснѣйшія нелѣпости, изложенныя какимъ то особеннымъ, непонятнымъ языкомъ, которыми полны горы книгъ о государственномъ правѣ. Только люди, которые человѣческое, очень простое, понятное и гадкое учрежденіе государства, т. е. учрежденіе порабощенія большинства меньшинствомъ, хотя бы представитъ чѣмъ то неизмѣннымъ, вѣчнымъ закономъ, могутъ *à tort* и *à travers*

[16] разсуждать о происхожденіи и назначеніи государства.

Для всякаго же человѣка, который свободно посмотритъ на государственное устройство, будетъ всегда совершенно ясно, что всякая власть государственная, т. е. насильственная, всегда пріобрѣтается завоеваніемъ вообще, силой оружія, убійствомъ или угрозой убійства и удерживается только этимъ же самымъ средствомъ и что поэтому люди, захватывающіе власть и удерживающіе ее, всегда были и не могутъ не быть людьми властолюбивыми, жестокими, лживыми, готовыми на всякія преступленія для достиженія своихъ цѣлей.

Какъ ни стараются участники преступленій людей, имѣвшихъ власть, составлять такія описанія жизни этихъ людей, при которыхъ не видна бы была ихъ развращенность и порочность, и выставить ихъ благодѣтелями своихъ народовъ, великими, благословенными, миротворцами и т. п., стоитъ просмотрѣть исторію отъ Карловъ, Ганибаловъ до Елизаветъ англійскихъ, Людовиковъ и до Петровъ, Екатеринъ «великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I, Чемберленовъ, Рузевельтовъ, Вильгельмовъ и Николаевъ II, чтобы видѣть постоянное подтвержденіе закона, не представляющаго исключенія.

* № 10.

Но вотъ являются прелюбодѣи мысли, которые берутъ на себя задачу оправдать неоправдваемое зло: насиліе, грабежъ, развращеніе. Сначала такими оправдателями были лжехристіане, церковники, потомъ часть своихъ обязанностей они передали лжеученымъ. И эти люди стали придумывать и придумали всѣ сложныя и хитроумныя глупости

государственного права, которыя какъ будто что то объясняютъ и что то оправдываютъ для тѣхъ, кому нужно оправданіе. Простые же люди, угнетенные, забытые трудомъ, сначала одуренные церковнымъ обманомъ, освящавшимъ власть, потомъ внушеніемъ того, что имъ было бы еще хуже, если бы не было власти, признаютъ власть, потому что не могутъ не повиноваться, и, зная, что ихъ убьютъ, если они не будутъ повиноваться, повинуюсь, утѣшаютъ себя мыслью, что то, что есть, почему то и должно быть.

* № 11.

Несмотря на все это, ученые люди вѣрятъ, что правительства происходятъ отъ таинственныхъ, отвлеченныхъ причинъ, а простые люди тому, что правительство также необходимо, какъ воздухъ для дыханія.

Ученые люди, т. е. господа, вѣрятъ въ это потому, что имъ выгодно существованіе государства или правительства, въ которомъ они прямо или косвенно принимаютъ участіе, простые же люди потому, что они повинуются правительствамъ, повинуются же они не потому, что правительства осуществляютъ нравственный законъ, – они хорошо знаютъ, что Елизаветы англійскія, Екатерины – самыя развратныя гадины, – и не потому, что правительства содѣйствуютъ ихъ благу: они не могутъ знать этого, такъ какъ никогда не жили безъ правительствъ и потому не могутъ знать, лучше или хуже имъ будетъ безъ правительствъ, а повинуются потому, что если не будутъ повиноваться, ихъ будутъ бить и даже убивать до смерти.

* № 12.

И люди этой науки стали выдумывать и придумали всѣ тѣ сложныя, хитроумныя глупости государственнаго права, которыя для всякаго мыслящаго человѣка представляютъ пустую болтовню, не имѣющую никакого содержанія, но кажутся очень важными и убѣдительными для тѣхъ, кому нужно оправданіе.

Оправданіе же нужно для всѣхъ тѣхъ, которые пользуются выгодами государственныхъ преступленій, и таковы всѣ зажиточные классы. Среди этихъ зажиточныхъ классовъ и возникла и держится эта наука. Выводы же этой науки безъ всякихъ объектовъ и субъектовъ, а въ простомъ видѣ того, что государство и правительство необходимы и даже священны, какъ несомнѣнная и непререкаемая истина, внушаются большимъ массамъ народа, точно также какъ прежде внушались народу

только послѣдніе выводы церковныхъ положеній безъ всѣхъ богословскихъ тонкостей и подробностей. И народъ, забитый трудомъ, не имѣющій время обсуждать то, что ему внушается, вѣритъ на слово, тѣмъ болѣе что каждый знаетъ, что его убьютъ, если онъ не будетъ повиноваться.

* № 13.

Стоитъ просмотрѣть исторію отъ Кировъ, Ганибаловъ, до Елизаветъ англійскихъ, Людовиковъ и до Петровъ, Екатеринъ «великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I, для того чтобы понять, какими средствами достигается власть и удерживается, какая главная цѣль ея и каковы должны быть качества властвующаго. И этихъ то людей выставляетъ другая лживая наука – исторія, за малыми исключеніями, когда ужъ никакъ нельзя этого сдѣлать, какъ при Елизаветѣ англійской и Іоаннѣ IV и когда вступаетъ новая династія, образцами всякихъ добродѣтелей, какъ гадкая старуха Екатерина или Наполеонъ, [17] Николай, [18] Александръ III.

* № 14.

Что же такое это устройство и какъ происходитъ учрежденіе, называемое правительствомъ?

О цѣли, назначеніи, происхожденіи правительствъ написаны горы сложныхъ, несогласныхъ между собою трактатовъ, называемыхъ ученіемъ о государственномъ правѣ. Въ трактатахъ этихъ одни говорятъ, что причина возникновенія государствъ и власти въ патріархальномъ бытѣ, другіе говорятъ, что причина въ договоре между гражданами и властью, третьи – что причины возникновенія государствъ экономическія. Назначеніе же правительствъ по мнѣнію однихъ, въ осуществленіи нравственнаго закона, по мнѣнію же другихъ, въ установленіи всеобщаго блага, по мнѣнію третьихъ, чего то очень неяснаго, называемаго идеей права.

Въ трактатахъ этихъ говорится о какой то волѣ государства, объ объектѣ и субъектѣ власти, объ юридической природѣ и личности государства и тому подобныхъ невразумительныхъ предметахъ, подробно рассказывается о томъ, какъ знаменитые Герберъ и Еллинекъ то отрицали юридическую личность, то признавали ее, и о томъ, что знаменитый Лоренцъ, Штейнъ и столь же знаменитый Лабандъ развили ученіе о государствѣ какъ волеспособной личности; но знаменитые

Мауренбрехеръ и Максъ Зейдель отвергли это учение о государствѣ какъ о волеспособной личности. Съ ихъ точки зренія государство не субъектъ власти, а объектъ, Мингъ же и Герцфельдеръ не признаютъ государство ни субъектомъ ни объектомъ власти. И эти ученые, по мненію Коркунова, изъ книги котораго я черпаю эти сведѣнія, уже близки къ истине, но еще ближе къ истине Гирке и Прейсъ. А уже совсемъ близки Терингъ, Генель, Бирлингъ и въ особенности Бернатцикъ, пошедшій куда то дальше всѣхъ.

Все эти удивительныя глупости, наполняющія миллионы книгъ, почти совершенно подобныя темъ богословскимъ глупостямъ, которыя точно также наполняли горы книгъ, очевидно происходятъ изъ того же источника, изъ котораго исходили и богословскія хитроумныя разсужденія: изъ желанія скрыть сущность дурнаго дѣла обмана, лжи и оправдать ихъ.

Казалось бы, что можетъ быть проще и понятнѣе причинъ происхожденія и существованія правительственной власти. Она не только на глазахъ всѣхъ, но всѣ люди чувствуютъ ее и потому очень хорошо знаютъ, что сущность ея никакъ ни въ объектахъ и субъектахъ и не въ осуществленіи идеи права и т. п. вздорѣ.

Всѣ знаютъ и понимаютъ и по оправданіямъ и по совершаемому наблюденію, что возникаетъ правительственная власть не вслѣдствіи существованія государства, а государство возникаетъ отъ правительственной власти, какъ Австрія, Пруссія, Россія, Турція да и всѣ государства. Правительственная же власть возникаетъ всегда только отъ того, что болѣе сильныя, лучше вооруженные люди завоевываютъ, т. е. убійствами и всякаго рода насиліями подчиняютъ себѣ болѣе слабыхъ и хуже вооруженныхъ людей, обкладываютъ ихъ податями и вводятъ между ними свои законы, и что дѣятельность правительствъ состоитъ только въ томъ, чтобы всякаго рода насиліями, обманами, коварствами, развращеніемъ людей удерживать ихъ въ своей власти.

Такъ образовывались всѣ извѣстныя намъ правительства. Такъ образовывалось Русское государство съ своей Польшей, Финляндіей и неудавшейся Манчжуріей. Такъ образовалась Британская имперія съ своей Индіей, Египтомъ, Трансваалемъ, Франція съ своими Африканскими владѣніями, Америка съ Кубой и Филиппинами, Австрія съ своими итальянцами и славянами.

И такъ управляются всѣ государства.

Такъ что въ самомъ простомъ и понятномъ объясненіи и опредѣленіи правительство есть ничто иное, какъ рядъ дурныхъ поступковъ, совершаемыхъ одними людьми надъ другими съ тѣмъ только отличіемъ отъ другихъ дурныхъ поступковъ, что дурные поступки, совершаемые тѣми, которые называются разбойниками, мошенниками, ворами, считаются дурными, правительственныя же преступленія (также какъ рабство въ свое время), будучи общимъ преступленіемъ, не считаются таковыми, но оправдываются и даже возвеличиваются.

VI.

Въ прежнее время оправданіемъ государства и правительственной власти занималась лжехристианская церковь. И церковь въ свое время съ успѣхомъ исполняла эту обязанность.

Когда же люди перестали вѣрить церкви, перестали вѣрить въ святое помазаніе властителей, эту обязанность обманывать народъ взяла на себя такъ называемая «наука» въ своихъ двухъ отрасляхъ: правовѣденія и исторіи. Правовѣденіе поведывало всѣ тѣ сложныя глупости государственнаго права, которыя для всякаго мыслящаго человѣка представляютъ только пустую, туманную болтовню, не имѣющую никакого содержанія, но кажутся очень важными и убѣдительными для тѣхъ, кому нужно оправданіе.

Исторія же занимается или тѣмъ, что восхваляетъ всѣ преступленія злодѣевъ, бывшихъ во власти, или, какъ это началось въ послѣднее время, когда преступность этихъ людей стала слишкомъ очевидна, — тѣмъ, что доказываетъ независимость отъ духовныхъ силъ и воли человѣка всѣхъ поступковъ людей и потому ненужность бороться съ тѣми государственными преступленіями, которыя совершаются.

* № 15.

VII.

Правительство вмѣстѣ съ богатыми классами, имѣя власть и боясь потерять ее, старается скрыть отъ народа несоотвѣтствіе его положенія съ его сознаниемъ, одуряетъ его и достигаетъ этимъ цѣли, и одуренный народъ, не въ состояніи понять своей выгоды, продолжаетъ поддерживать тѣ правительства и высшіе классы, которые извращаютъ его жизнь и развращаютъ его.

Какъ же освободиться отъ этого ложнаго круга?

Людемъ говорятъ, внушаютъ всѣми средствами, что правительства, т. е. право одного или нѣсколькихъ лицъ силою заставлять другихъ людей исполнять ихъ волю (подчиняться установленному закону, платить извѣстныя подати, воевать) необходимо, т. е. менѣе вредно, чѣмъ отсутствіе правительственнаго насилія, и что поэтому правительства не только неизбѣжно необходимы, но и благодѣтельны и священны. Люди вѣрили и вѣрятъ въ это въ особенности потому, что тѣхъ, кто не вѣритъ въ это, судятъ, мучаютъ, наказываютъ, но все таки въ послѣднее время, вслѣдствіи, съ одной стороны, все большей и большей дерзости и преступности правительствъ, съ другой, вслѣдствіи

большаго развитія гражданъ и болѣе тѣснаго общенія гражданъ разныхъ государствъ, невольно возникаетъ вопросъ, что всѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣло и терпитъ человѣчество отъ правительствъ, всѣ тѣ казни, войны, раздробленія народовъ, ограбленія, развращенія, совершенныя и совершаемыя правительствами, выкупаются ли тѣми благами, которыя они даютъ намъ, или точнѣе: какія бѣдствія больше, тѣ ли, которые люди переносятъ отъ правительствъ, или тѣ, которыя испытали бы люди, если бы не было правительствъ?

Для мірскихъ людей вопросъ этотъ всегда рѣшается въ пользу правительствъ, во 1-хъ, потому, что неподчиненіе правительствамъ влечетъ за собою всякія и большія бѣдствія для личной жизни, и потому естественнѣе рѣшить вопросъ такъ, чтобы не подвергаться этимъ бѣдствіямъ, во 2-хъ, и главное, потому, что нельзя доказать того, что бѣдствія, которыя могутъ произойти отъ отсутствія правительствъ, не будутъ больше, чѣмъ бѣдствія, какъ бы велики они ни были, производимыя правительствами, такъ какъ никто не можетъ знать, чтобы бы было, если бы чего нибудь не было. Такъ что хотя именно то, что воображаемыя бѣдствія, имѣющія произойти при отсутствіи правительствъ, противуполагаются реальнымъ, и то, что такіе же доводы всегда приводились передъ уничтоженіемъ привычныхъ, ненужныхъ и вредныхъ установленій тѣми, кому они были нужны, какъ, напримѣръ въ защиту пытокъ, сжиганія колдуновъ и вѣдьмъ, рабства и т. п., все-таки нѣтъ никакой возможности отвѣтить въ ту или другую сторону рѣшительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, какъ онъ поставленъ.

И большинство людей удовлетворяется такимъ отвѣтомъ и будетъ удовлетворяться имъ всегда, до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ въ обществѣ истинное религіозное сознаніе, при которомъ вопросъ становится въ иной формѣ, а именно въ такой, при которой вопросъ относится не къ соображеніямъ общаго блага, а къ отдѣльной человѣческой личности.

Въ такой формѣ вопросъ выражается такъ: согласны ли тѣ требованія, которыя предъявляетъ къ тебѣ правительство, съ требованіями твоей совѣсти? Или тотъ же вопросъ еще въ другой формѣ: что для тебя важнѣе – подвергнуться всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя, какъ говорятъ тебѣ, постигнутъ тебя при уничтоженіи правительства, или поступить противъ своей совѣсти, принимая участіе въ дѣлахъ правительства?

Вопросъ этотъ въ этой самой формѣ всегда стоялъ и теперь стоитъ передъ каждымъ человѣкомъ, но отвѣтить на него отрицательно, т. е. предпочесть всѣ возможныя тѣлесныя опасности отступленію отъ требованія совѣсти, можетъ только человѣкъ религіозный, т. е. ставящій законъ Бога выше всѣхъ законовъ человѣческихъ. И потому, какъ бы ни были велики преступленія правительствъ и требованія участія въ нихъ, какъ нынѣшнія, когда эти преступленія и требованія дошли до высшей степени, человѣкъ не религіозный не можетъ отказаться отъ исполненія ихъ.

* № 16.

Сначала ограбить, потом развратить и одурить человека: вот то, что дѣлаетъ всякое правительство надъ всѣми своими подданными. И вотъ эта то преступная, жестокая, грабительская, развратительная дѣятельность считается не только необходимой для жизни людей, какъ воздухъ для дыханія, но и похвальной и благодѣтельной, такой, въ которой долженъ стремиться участвовать каждый человекъ, желающій быть полезнымъ людямъ, такой дѣятельностью, въ вознагражденіе за которую главныхъ дѣтелей правительства, совершающихъ самыя ужасныя государственныя преступления, восхваляютъ, называя «великими», отцами народа, благословенными, при жизни и и по смерти возвеличиваютъ, ставя имъ хвалебные памятники на площадяхъ и въ живыхъ книгахъ исторіи.

* № 17.

«Но если между людьми распространень и признается идеаль равенства, свободы и любви, [19] идеаль этотъ служить для людей мѣриломъ того, что они считаютъ добромъ и зломъ. Люди знаютъ, что осуществленіе этого идеала можетъ дать имъ благо, то какая же нужна еще религія для осуществленія идеала?»

Такъ думаютъ многіе, такъ учатъ людей думать тѣ ограниченныя книжники, которые называютъ себя людьми науки, и разсужденіе это самое распространенное, и ничто очевиднѣе этого разсужденія не показываетъ того легкомысленнаго, самоувѣреннаго невѣжества, въ которомъ находятся эти люди, какъ именно это разсужденіе.

Люди, разсуждающіе такъ, не знаютъ того высшаго свойства души, которое называется религіей, и думаютъ замѣнить ее ея послѣдствіемъ.

Явленіе это самое обыкновенное при всякой религіи. Оно состоитъ въ томъ, что люди не религіозныя послѣдствія, выводимыя изъ религіознаго міровоззрѣнія, принимаютъ и ставятъ на мѣсто религіи.

Религія, скажемъ, Браминовъ, т. е. извѣстное отношеніе къ Богу, имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ молитву, душевное общеніе съ Богомъ, и вотъ люди, не усвоившіе себѣ религіознаго міровоззрѣнія, начинаютъ молиться, произносить слова, крутить молитвенныя валики, воображая, что они раздѣляютъ религіозное ученіе

Браминовъ; или послѣдствіе христіанскаго міровоззрѣнія есть милосердіе, милостыня, и люди начинаютъ давать деньги, воображая, что они христіане. А между тѣмъ молитва, какъ и милостыня, есть только одно изъ безконечно многихъ проявленій въ жизни религіознаго браминскаго или христіанскаго религіознаго міровоззрѣнія. Точно также и тотъ распространенный въ нашемъ обществѣ идеаль равенства, свободы, любви есть только одно изъ проявленій религіознаго міровоззрѣнія нашего времени. Главное же то, что когда люди принимаютъ одно изъ проявленій религіознаго ученія, какъ молитва, милостыня, идеалы равенства, свободы, братства, не принявъ за руководство жизни всего ученія, они исполняютъ эти проявленія только тогда, когда это имъ удобно и не требуетъ отъ нихъ жертвы. Отъ этого и происходитъ то, что люди, усвоившіе себѣ извнѣ идеалы равенства, свободы, братства, прилагаютъ ихъ къ жизни только тогда, когда это удобно имъ, не нужно жертвы, и только эти усвоенныя ими извнѣ [идеалы] прилагаютъ къ жизни безъ всего другаго, вытекающаго изъ того же источника и сопутствующаго этимъ началамъ. Отъ этого и происходило и происходитъ то, что люди, вѣрящіе въ плодотворность, благость и приложимость идеаловъ равенства, свободы, братства думаютъ осуществить ихъ посредствомъ приемовъ насилія, прямо отрицаемыхъ тѣмъ самымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, изъ котораго вытекаютъ сочувственные имъ идеалы.

Вотъ поэтому то исправить положеніе людей христіанскаго общества можетъ только усвоеніе не послѣдствій, вытекающихъ изъ религіознаго ученія, а усвоеніе самаго ученія, такого ученія, которое устанавливаетъ извѣстное отношеніе человѣка къ міру, къ Богу. Изъ этого отношенія выводится смыслъ жизни, назначеніе человѣка и все направленіе дѣятельности, въ которомъ идеалы равенства, свободы, братства составляютъ только одну малую частицу. Только для такого человѣка возможны поступки, представляющіеся жертвой для нерелигіознаго человѣка, для религіознаго же только естественнымъ и радостнымъ исполненіемъ своего назначенія.

И потому для обновленія человѣчества, для исправленія существующаго зла, для выхода изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ вертится человечество, нужно только одно: единое на потребу, возстановленіе, установленіе такого религіознаго ученія, которое отвѣчало бы требованіямъ времени, знаніямъ, общенію людей и высшей потребности души человѣка – знаніе своего значенія и назначенія въ этомъ состояніи жизни между двумя безконечностями, въ которомъ сознаетъ себя всякій нормальный человѣкъ, не извращенный ложной наукой, какъ только входитъ въ обладаніе всѣхъ своихъ духовныхъ силъ.

Что же нужно? Прежде всего разрушение обмановъ, скрывающихъ истину: обмана церкви, занимающаго то святое мѣсто, которое въ душѣ человѣка должно быть занято истинной религіей, такой, которая требуетъ отъ человѣка не исполненія извѣстныхъ обрядовъ, а даетъ ему направленіе и руководство во всѣхъ дѣлахъ жизни, въ особенности же разрушеніе и другого обмана – науки, того ужаснаго суевѣрія, что случайныя знанія о самыхъ разнообразныхъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ предметахъ могутъ замѣнить познаніе своего человѣческаго отношенія къ Богу, своего назначенія и вытекающаго изъ него руководства въ поведеніи. И, какъ ни странно это можетъ показаться, стоитъ только уничтожить эти два обмана, и тотчасъ же ничѣмъ уже не затемняемый возникаетъ въ душѣ человѣка вопросъ о томъ: кто онъ? зачѣмъ онъ живетъ въ этомъ мірѣ? Чѣмъ ему и какъ мнѣ жить въ этой жизни до тѣхъ поръ, пока онъ сознаетъ въ себѣ свободу выбора поступковъ, и что меня ожидаетъ?

И стоитъ только возникнуть этимъ вопросамъ безъ тѣхъ лживыхъ отвѣтовъ, которые даетъ на нихъ церковь и наука, и отвѣты эти всякій человѣкъ найдетъ въ основахъ всѣхъ истинныхъ религій: Браманизма, Буддизма, Таосизма, Конфуціанства, Еврейства, Христіанства и всѣхъ тѣхъ истинно религіозно–нравственныхъ ученій, которыя возникли на этихъ основахъ.

Основы эти очень просты, доступны всѣмъ людямъ и одни и тѣ же для людей всего міра, не могутъ быть не одни, потому что всѣ люди, рождающіеся и умирающіе и располагающіе своими силами среди міра другихъ существъ, находятся въ совершенно тождественномъ положеніи.

Основы эти во всѣхъ религіозныхъ вѣроученіяхъ однѣ и тѣ же; одни и тѣ же отвѣты на вопросы, которые неизбѣжно ставил себѣ всегда и ставитъ себѣ всякій живой человѣкъ, свободный отъ обмановъ.

Кто я? Существо на короткое время появившееся въ мірѣ для того, чтобы черезъ очень короткій срокъ, а можетъ черезъ часъ, перестать быть тѣмъ, чѣмъ я былъ, или совсѣмъ исчезнуть, или быть чѣмъ то для меня непостижимымъ.

Зачѣмъ я живу? Не знаю и не могу знать. Но явно живу не для своей личности, потому что она исчезнетъ скоро и можетъ исчезнуть всякую секунду. И потому живу явно для цѣлей мнѣ недоступныхъ, для цѣлей той силы, которая произвела меня.

Какъ же мнѣ жить?

Если я не могу жить для себя, то явно, что жить я долженъ такъ, какъ хочетъ отъ меня Тотъ или То, что произвело меня. Чего же онъ или оно хочетъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ преданіе всего человѣчества, практическое ученіе всѣхъ вѣръ, всѣхъ мудрецовъ: жить такъ, чтобы увеличивать любовь въ людяхъ, поступать съ другими такъ, какъ хочешь чтобы поступали съ тобой.

И то, что такъ надо жить, подтверждаетъ мое внутреннее чувство, моя

совѣсть, подтверждаетъ опытъ и моей и общей жизни. Чѣмъ больше я исполняю этотъ законъ любви, тѣмъ лучше, радостнѣе моя жизнь, тѣмъ лучше, радостнѣе жизнь вокругъ меня.

Что же меня ожидаетъ? Не знаю. Знаю только то, что чѣмъ больше я исполняю то, что считаю своимъ назначеніемъ, тѣмъ надежнѣе я смотрю на будущее и тѣмъ менѣе нужно мнѣ разрѣшеніе вопроса о томъ, что меня ожидаетъ.

Вотъ тѣ отвѣты, которые даетъ себѣ всякій живой неиспорченный человѣкъ, когда освободится отъ обмановъ церкви и науки.

Отвѣты эти на вопросы будутъ для всѣхъ приблизительно тѣ же, потому что разумъ всѣхъ людей и положеніе ихъ въ мірѣ одно и то же, и отвѣты эти въ самыхъ разнообразныхъ формахъ были выражены и выражаются людьми. И отвѣты эти будутъ не слова, не пожеланія о томъ, чтобы люди руководствовались принципами равенства, свободы, братства, и будетъ религія, установленное отношеніе къ міру, изъ котораго само собой будетъ вытекать деятельность, устанавливающая не только равенство, свободу, братство, но и многое другое — и цѣломудріе, и любовь къ животнымъ, и воздержаніе, и терпѣніе, и прощеніе, и сознаніе человѣческаго достоинства, и, главное, любовь, включающую въ себя почти все.

* № 19.

Сельскій, земледѣльческій, здоровый трудъ среди природы, развивающій и физическія и духовныя силы, все больше и больше замѣняется трудомъ фабричнымъ, и сельская жизнь съ питаніемъ чистыми, своими руками произведенными плодами земли замѣняется городскими, нездоровыми помещеніями и покупной, подделанной, вредной пищей, наполненнымъ міазмами воздухомъ и всей тревожной, убійственной, полной соблазновъ жизнью города. Деревни пустеютъ, города растутъ, и народъ слабеетъ, рождаемость уменьшается, и порода портится. Все видятъ, знаютъ это. И никто ничего не можетъ сделать для того, чтобы остановить всѣ эти все увеличивающіяся и увеличивающіяся бѣдствія.

Всѣ тѣ блага семейной жизни, которыя вносила и можетъ вносить въ жизни людей женщина, заменились темъ зломъ, которое можетъ вносить въ жизнь та же женщина, когда она поставлена въ несвойственныя ей условія. Въ рабочихъ классахъ женщина задавлена работой и нуждой, часто этой нуждой приводится къ разврату. Богатые женятся поздно или вовсе не женятся, заменяя бракъ допускаемымъ и даже поощряемымъ существующимъ устройствомъ развратомъ. Проституція во всехъ видахъ допускается и даже учреждается правительствами. Все видятъ и чувствуютъ пагубность такого положенія женщины и такого отношенія

половь, но при теперешнемъ устройствѣ общества не видятъ возможности измененія ни того, ни другого.

** № 20.

Машина эта давно извѣстна міру и давно извѣстны дѣла ея. Это та самая машина, посредствомъ которой въ Россіи властвовали, избивая и мучая людей, то Іоаннъ IV, то шальной, звѣрски жестокой, восхваленный Петръ съ своей пьяной кампаніей, то безграмотная, распутная дѣвка «Катъка», то нѣмецъ Биронъ, любовникъ глупой [20] бабы, считавшейся императрицей, то [21] нѣмка Анна, любовница другого немца, то распутная дѣвка Елизавета, потомъ распутная изъ распутныхъ нѣмка, мужеубійца Екатерина «великая» II, то полубѣшенный Павелъ, то отцеубійца, лгунъ, ханжа Александръ, то глупый, грубый, жестокой солдатъ Николай, то слабый, неумный и недобрый Александръ II, то совсѣмъ глупый, грубый невежественный Александръ III. И всѣ эти жалкіе люди, всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые убиты заступившими ихъ мѣсто, какъ несчастный Петръ III и Павелъ, всѣ они возводятся въ герои, гениіи благодѣтели челоуѣчества. <И вотъ царствуетъ теперь невѣжественный, слабый и недобрый Николай II со своими иконами и мощами, устраиваетъ безцѣльную, бессмысленную погибель миллиардовъ рублей и сотенъ тысячъ людей на Дальнемъ Востокѣ и благословляетъ отсылаемыхъ на убійство сотни тысячъ людей. И если только онъ умретъ своей смертью и на его мѣсто вступятъ законные наследники, найдутся такіе же хвалители, которые и въ этомъ жалкомъ существѣ найдутъ особенныя доблести и будутъ его называть благодѣтелемъ Россіи, какъ его предшественниковъ.> [22]

<Все это – отъ Екатерининскихъ мерзостей, раздѣла Польши и раздариванія десятковъ тысячъ крестьянъ своимъ мальчикамъ любовникамъ и до теперешняго истребленія и развращенія миллионныхъ людей> [23] – Все это дѣла этой ужасной машины. Захватываетъ машину <конюхъ, котораго полюбила толстая Анна и управляетъ русскимъ народомъ. Прогоняютъ смѣлые люди нѣмца и сажаютъ на его место пьяную дѣвку> [24] Елизавету, и она посылаетъ армію воевать противъ Пруссаковъ; умерла она, и выписанный ею нѣмецъ племянникъ, посаженный на ея место, велитъ войскамъ воевать за Пруссаковъ.

Убиваетъ распутная немка шального нѣмца – своего мужа и начинаетъ со своими любовниками управлять Россіей, раздариваетъ имъ десятки тысячъ русскихъ крестьянъ и устраиваетъ для нихъ то греческой, то индійской проэктъ, ради которыхъ гибнутъ жизни миллионныхъ. Попаль нынче по наследству малоумный гусарской офицеръ, и онъ устраиваетъ со своими клеветами свой манжуро–корейской проэктъ, стоящій миллиарды рублей и сотни тысячъ жизней.

Ведь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра может новая фантазія, съ помощью окружающих его негодяевъ, взбрести въ слабую голову[25] властвующаго человека, и человекъ этотъ можетъ завтра устроить новый африканскій, американскій, индійскій проэктъ, и начнутъ опять вытягивать послѣднія силы изъ русскихъ людей и погонять ихъ убивать на другой край свѣта.

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».

Статья «Единое на потребу» представляет собой соединение двух работ, над которыми Толстой трудился с перерывами более полутора лет, – о религии и о государственной власти. В течение этого времени он работал над «Фальшивым купоном», написал статью «Одумайтесь!», Предисловие к книге В. Г. Черткова «О революции», «Об общественном движении в России», рассказ «Алеша Горшок», почти закончил «Великий грех» и задумал и отчасти начал несколько других более мелких работ.

К работе, из которой вылилось «Единое на потребу», Толстой приступил после того, как начерно закончена была его статья «О Шекспире и о драме», – в декабре 1903 г. 2 декабря этого года он записывает в Дневник: „,Всё воужь с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, а начать новое – или драму, или о религии, или кончить «Купон»“. В дневниковой записи 19 декабря читаем: «Кончил заниматься Шекспиром и начал о значении религии, но написал два начала, и оба нехороши». Речь идет, во-первых, о статье, озаглавленной «Единственное средство», автограф которой в так называемом «Синем альбоме» следует непосредственно вслед за автографом Предисловия к

книге Кросби о Шекспире (см. ниже описание рукописей, относящихся к «Единое на потребу», № 1), во-вторых, о наброске «Тьма безверия», написанном в том же «Синем альбоме» (рукопись № 2), который предваряется словами: «Начну сначала о религии. Не знаю, как назвать». Слова «начну сначала» указывают на то, что мы имеем тут дело именно со вторым началом. Автограф, озаглавленный «Единственное средство», был уже написан до 16-го декабря, так как обложка, в которую включена была копия этого автографа, помечена рукой А. Л. Толстой 16-м декабря.

29 декабря Толстой записывает в Дневник: «Обдумываю о религии». Работу перебивает писание главным образом «Фальшивого купона», но под 16 января 1904 г. в Дневнике записано: «Вчера писал о религии», а 18 января – „Вчера немного добавил к Шекспиру и просмотрел «Купон» и «Камень»“. Под «Камнем» разумеется «Камень главы угла» – новое заглавие, данное первой редакции статьи взамен прежнего – «Единственное средство» [26] (см. описание рукописей, № 5. Здесь впервые появляется заглавие «Камень главы угла». Таким образом рукопись эта датируется не позднее, чем 18 января 1904 г.). На следующий день, 19 января, Толстой в Дневник записывает: "Ничего, ничего не делал, только чуть-чуть поправил «Камень»". Но затем он вновь отвлекается работой над «Фальшивым купоном», над статьей «Одумайтесь I» и отчасти над рассказом «Божеское и человеческое». Ближайшее упоминание в Дневнике о «Камне главы угла» встречаем теперь лишь в записи от 1 апреля: «Начал было писать «Камень угла», но не мог продолжать». После этого около двух месяцев Толстой занят был главным образом писанием прибавлений к статье «Одумайтесь!» и предисловия к статье В. Г. Черткова «О революции», а работа над «Камнем главы угла», по-видимому, на это время совсем была прекращена. Под 30-м мая в Дневнике читаем запись: „«Камень главы угла», т. е. о религии, я решил бросить то, что написано, и начать сначала. Вчера же думал об этом, но, к сожалению, не написал тотчас и потому потерял самое важное. Думал вот что. Все научные исследования ничтожны без религиозной основы. Разум человека действует плодотворно только тогда, когда он опирается на данные религии. Только религия, ставящая разумные цели, распределяет поступки людей по их значению. Самый прекрасный, благожелательный, умный поступок неуместен, безобразен, вреден, бессмыслен, не у места (Дурень ты, дурень...). Место же определяет только религия. Во имя чего надо отдать жизнь и во имя чего не пошевелить пальцем. Религия одна дает относительную оценку поступков, потому что она одна оценивает поступки по их внутреннему достоинству. (Не хорошо, потому что не хочется писать)“.

К этой записи примыкает следующая большая запись в Дневнике от 2 июня: «Для того чтобы знать, что надо и чего не надо делать, что прежде (т. е. что важнее) и что после надо делать, нужно знать свое назначение. Если человек знает, что его назначение земледелие, возделывание растений, то он прежде всего будет исполнять дела, требуемые его назначением: будет пахать, сеять, копать, убирать, всякие же другие дела будет делать только в той мере, в которой они не препятствуют его главному занятию. Кроме того, и в своем деле он в выборе занятий будет руководиться тем, что наиболее важно и нужно для успеха его дела: будет весной пахать, скородить, сеять, а не

будет возить навоз или строить и т. п. Так что без знания своего назначения для человека невозможна никакая деятельность. Так это в тех различных деятельности, которые избирает человек в жизни. Точно то же и по отношению всей жизни человека: для того чтобы человек мог вести разумную жизнь и знать, что во всей жизни его наиболее важно, что он должен делать прежде, что после, что выбрать и как поступить (когда является одно другое исключаящее требование) (а такими противуречивыми требованиями полна жизнь всякого человека), для этого человеку необходимо знать уже не свое частное призвание земледельца, столяра, писателя, ему нужно знать свое человеческое назначение. И вот знание этого назначения человека в мире и есть то, что известно людям под словами: вера, религия. (Кажется, этим можно начать)».

Мысли, высказанные в обеих этих записях, развиты в статье, озаглавленной сначала «Что важнее всего людям», затем «Бога забыли».

Вторая редакция этой статьи дошла до нас в исправленной копии (автограф не сохранился), в которой оба заглавия зачеркнуты (см. описание рукописей, № 6). Статья эта затем неоднократно исправлялась Толстым в ряде копий, входящих в состав рукописного материала, описанного под № 9, и, в конце концов, в некоторой своей части растворилась в седьмой главе «Единого на потребу».

6 июня Толстой вновь записывает в Дневник: „Вчера немного писал «Камень»“, но затем в работе над статьей опять наступает длительный перерыв, заполненный, главным образом, отделкой предисловия к статье Черткова «0 революции». Следующая дневниковая запись, относящаяся к «Камню главы угла», – 24 июля: «Нынче думаю всё-таки окончить «Камень». Чувствую, что должно. Прямо сознание обязанности сказать, чего не знают и в чем заблуждаются. Попытаюсь сделать это как можно кратче и проще». Но работа эта и в ближайшие дни не была кончена.

29 июля Толстой записывает в Дневник: «Почти не пишу. Работал немного «Камень». Но, кажется, хорошо, плодотворно думаю». Вслед за этим он решает заново писать статью о религии. 2 августа в Дневнике записано: «Всё не пишется. Решил вчера сначала, без поправок или почти без поправок, писать о значении религии. И хорошо обдумал это». Решение это Толстой осуществил через две недели, в Пирогове, куда он поехал навестить умиравшего брата. В дневниковой записи от 15 августа читаем: «Нынче неожиданно нашел начало статьи о религии и написал 1 1/3 главы. Вдруг стало ясно в голове, и я понял, что мое нездоровье готовилось. Оттого тупость. Заглавие надо дать: «Одна причина всего», или «Свет стал тьмой», [27] или «Без Бога». Под «началом статьи о религии» разумеется тот набросок, о котором речь шла выше и который описан ниже под № 2. «1 1/2 главы» – это второе начало статьи о религии, написанное так же, как и первое, в синем альбоме и на приложенных к нему вставках и озаглавленное там «Свет стал тьмой» (см. описание рукописей, относящихся к «Единое на потребу», № 7).

Однако вскоре Толстой охладел и к этой работе, тем более, что усиленно занялся собиранием материала и выписками для «Круга чтения». Работа над «Кругом чтения» по-прежнему поглощала очень

много времени, и в дневниковой записи от 5 ноября читаем: „Не писал с 22 октября. Всё занят «Кругом чтения»... Немного писал «Камень», но главное, что складывается: «Закон Божий», и далее записано начало этой новой статьи.

Под 24-м ноября в Дневнике записано: «В нерешительности и слабости, что писать. Нынче начал «Камень». Но плохо. Надо писать три вещи. Это самое необходимое: «Камень», 2) о государственной форме и 3) исповедание веры. Если будет время и силы по вечерам, то воспоминания без порядка, а как придется». «Начал», очевидно, нужно понимать в смысле «вновь приступил», «возобновил работу». Задуманная же статья «О государственной власти» – это те будущие главы «Единого на потребу», в которых идет речь о власти и о правительстве. В ближайших дневниковых записях – от 1, 7 и 11 декабря – говорится о работе над статьей «Кто я?», «Изложением веры» и переводом Паскаля. 22 декабря Толстой записывает в Дневник: «Немного начал «Единое на потребу» и начал недурно, но не было охоты продолжать». Таким образом к этому времени был написан автограф первой главы и первая копия с него, в которой впервые рукой Толстого написано заглавие «Единое на потребу» [28] (см. ниже описание рукописей, №№ 16 и 17). В письме к дочери Т. Л. Сухотиной от 25 декабря Толстой сообщает о том, что пишет статью о власти (ГТМ). Но судя по тому, что на одной из многочисленных обложек, хранящихся среди рукописей «Единого на потребу», рукой Ю. И. Игумновой написано „«Единое на потребу». Черновые 14 декабря“, рукопись № 17 – копия автографа первой главы, а значит, и самый автограф были написаны до 14 декабря. Судя по этим обложкам, с конца декабря Толстой работал над «Единое на потребу» интенсивнее, чем над «Камнем главы угла». На них рукой А. Л. Толстой и Ю. И. Игумновой поставлены следующие даты: 24, 25, 28, 29 декабря 1904 г., 4, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 января, 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 15, 16, 17, 20, 21 февраля, 9, 10, 11, 12, 13 марта 1905 г. На последней обложке написано: „«Единое на потребу». 1905 года. Последние числа марта“.

Но работа эта не удовлетворяла Толстого. 31 декабря он записывает в Дневник: «Пытался писать «Единое на потребу» – только напутал, ничего не вышло». Затем большая часть января 1905 г. ушла на писание статьи «Об общественном движении в России». Но 24 января Толстой в письме к дочери Александре Львовне сообщает: «Немного пишу «Единое на потребу» (ГТМ). Около этого времени он решает ввести в состав «Единого на потребу» то, что было написано под заглавием «Камень главы угла», объединив таким образом две темы – о религии и о государственной власти. 29 января он заносит в Дневник: «Пишу «Единое на потребу», и оттого ли, что я соединил два разные начала или просто не в духе пишу, но идет плохо». Следующая запись – 18 февраля – также свидетельствует о том, что Толстой не был удовлетворен своей работой: «Был слаб умственно всё это время... Всё писал «Единое на потребу». И всё плохо. Всё нет конца». 6-го и затем 19 февраля Толстой склонен был считать, что работа его над «Единое на потребу» закончена, как об этом свидетельствуют даты, проставленные в рукописях, описанных под № 37 (см. ниже). 11 февраля он писал дочери М. Л. Оболенской: «Как будто кончаю «Единое на потребу». Плохо, но всё-таки пошлю» (ГТМ).

Но, оторвавшись на короткое время для рассказа «Алеша Горшок», также не удовлетворившего его, он вновь обратился к старой работе. В Дневнике от 6 марта записано: «Просмотрел «Единое на потребу» и, кажется, больше не буду править». Однако 18 марта в Дневнике отмечается: «Поправил вчера «Единое на потребу» и запнулся перед концом. Надо сделать лучше, что не трудно, потому что очень плохо». Наконец, 22 марта в Дневнике записано: «Очень хорошо работал «Единое на потребу». И кажется, даже, наверно, кончил». Но и 22 марта статья не была вполне закончена: в рукописи, описанной под № 40, дата окончания работы – 25 марта. Вероятно, и после этого в течение ближайших двух недель статья еще исправлялась и перерабатывалась. Д. П. Маковицкий, довольно точно и подробно фиксировавший повседневные факты из жизни Толстого, в неопубликованной части своих «Яснополянских записок», хранящихся под 11 апреля, сообщает, что в этот день Толстым статья была окончена.

«Единое на потребу» в первую очередь предназначалось для напечатания в Англии. 26 апреля н. с. 1905 г. Чертков писал Толстому: «С нетерпением и предвкушением ожидаем вашей статьи о власти, которую Александра Львовна, как она пишет, переписывает для нас» (АТБ). Получив разрешение приехать на три недели в Россию в мае этого года, Чертков посылает Толстому телеграмму, а затем 12 мая н. с. – письмо, в котором просит ускорить высылку статьи, с тем чтобы отдать ее в печать до своего отъезда в Россию (АТБ). Черткову послан был экземпляр «Единого на потребу» в рукописи, описанной под № 40, и письмом от 17 мая н. с. он извещает Толстого, что статью получил.

Приехав в Россию, Чертков с 24 мая по 4 июня пробыл в Ясной поляне, куда он привез присланную ему рукопись «Единого на потребу» со своими пометками, в которых были отчеркнуты главным образом места, заключающие в себе слишком резкие и раздраженные характеристики русских царей (см. ниже, описание рукописей). По поводу этих мест у Черткова с Толстым, несомненно, был разговор, и Толстой, судя по его ответным пометкам на обложках рукописи и по некоторым исправлениям в самой рукописи, с большей частью замечаний Черткова согласился (см. ниже, описание рукописей, № 40), хотя незадолго до этого высказывался в том смысле, что он и теперь не жалеет о резкости своего тона. В беседе, переданной Д. П. Маковицким в записи от 18 мая, Толстой, по словам Маковицкого, говорил: «Беспокоили меня резкие выражения в «Едином на потребу». А теперь желаю только, чтобы их можно больше читали. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай священная особа! А надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы делать то, что он делает. Конечно, не один он причина, но он то себя чувствует причиной в той мере, в какой и мы считаем его причиной. Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти».

6 июня Чертков писал Толстому из Москвы о том, что там накануне было собрание их единомышленников, в том числе трех крестьян; на собрании были прочитаны «Великий грех» и «Единое на потребу». Обе статьи всем понравились, но крестьян «неприятно поразила та резкая, бранливая, как им показалось, форма обличения бывших монархов», с которых начиналась статья. Далее Чертков продолжает: «Они сами скорее более

враждебно, чем мы с вами, настроены против властей. А всё-таки им было жаль, что вы употребляете такие выражения, как «девка», «немка», «б...ь» [29] и т. п. «Кажется, – говорили они мне, – как «будто Лев Николаевич хочет зло сорвать на них. Не понимаем, почему он так бранится». И это они говорили в тоне сочувственного к вам сожаления. Мне самому при каждом чтении кажется этот тон несоответствующим именно вам и тому «благородному» отношению ко всем грешникам, которое люди от вас ожидают... Можно было бы это сказать спокойно», как вы несколько строк ниже говорите о ныне царствующем, т. е. не то что он дурак или глуп, а «ограниченного ума»; т. е. сказать не «девка» и не «б...ь», а «распутного поведения» и т. д. И это даже сильнее» (АТБ).

В ответ на это письмо Толстой писал Черткову 16 июня: «Описание царей в «Едином на потребу» я изменил по вашему совету». В том же письме, сообщая, что им написано вступление к «Великому греху», он добавляет: «Боюсь, что печатание этих статей матерьяльно стеснит вас. Если это так, то не печатайте. Я совершенно равнодушен к этому» (АЧ).

Характеристика русских царей была переделана Толстым дважды (см. описание рукописей, №№ 41 и 42). На этом работа над «Единое на потребу» была закончена. Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» под 17 июня 1905 г. сообщает: „Лев Николаевич окончательно кончил «Единое на потребу»“.

К этой статье относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (переплетенная в кожу тетрадь («Синий альбом») из архива А. Л. Толстой и папки 78, 80, 81, АЧ).

1. Автограф в «Синем альбоме» на листах 24 об. – 27. Заглавие: «Единственное средство». Начало: «Положеніе не только нашего христіанскаго міра». Конец: «и всегда будетъ, пока люди будутъ люди». Ему предшествует автограф предисловия к книге Кросби о Шекспире и за ним следуют заметки, относящиеся к «Кругу чтения». Печатаем его полностью в вариантах 1).
2. Автограф начала статьи в том же «Синем альбоме» на листах 47–48 и вставках к этим листам. На л. 47 написано: «Начну сначала о религіи. Не знаю, какъ назвать». Далее следует эпитафия из Евангелія: «Однакожъ знайте, что приблизилось къ вамъ Царство Божіе». Всё это зачеркнуто поперек красным карандашом и далее написано: «Тьма безвѣрія». После этого выписаны все три эпитафия из Евангелія, поставленные и в начале текста «Единогo на потребу» и идет небольшой текст на лл. 47 об. – 48. Начало: Человѣку свойственно опредѣлять свое отношеніе къ безконечному міру». Конец: «суть тѣ, которыхъ признають пророками».
3. Рукопись на 2 листах в 4° и одном обрезке, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Начало исправленной копии с автографа. Конец ее перенесен сначала в рукопись, описанную под 4, а затем окончательно в рукопись, описанную под № 5. Заглавие и начало то же, что в автографе. Конец: «даже для возможности жизни».

4. Рукопись на двух согнутых пополам полулистах писчей бумаги. Наружный полулист написан по лицевым страницам на пишущей машинке. Машинописный текст, исключая заглавия, первых четырех строк и части пятой, зачеркнут по строкам и вместо него написан новый текст между машинописных строк (по две рукописных строки подряд) и частью на полях. Продолжение этого текста – на оборотной первой странице, на внутреннем полулисте, исписанном с обеих сторон, и на полях второй машинописной страницы. Текст, написанный на машинке, представляет собой начало копии предыдущей рукописи. Продолжение этой копии на части четвертушки и конец текста, перенесенный сюда из рукописи № 3, перенесены в рукопись № 5. Новово написанный рукой Толстого текст печатаем в вариантах (№ 2).

5. Рукопись на 12 листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. На нижней части седьмого листа, на обороте его и на приложенном здесь полулисте почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон, – сплошной текст рукой Толстого. Первоначальная нумерация исправлена на вторичную, после того как отдельные листы рукописи вступили в новую комбинацию. Вначале рукопись представляла собой на первых листах копию начала предыдущей, остальные же листы были извлечены из рукописей предыдущей и описанной под № 2. Заглавие «Единственное средство» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано: «Камень главы угла». Извлекаем из этой рукописи текст, вновь написанный рукой Толстого на седьмом листе и на примыкающем к нему полулисте почтовой бумаги и представляющий собой вариант конца варианта № 2 (вариант № 3).

6. Рукопись на 3 листах в 4° и 1 листе почтовой бумаги большого формата. На первых трех листах на пишущей машинке написан текст, исправленный рукой Толстого и озаглавленный сначала «Что важнѣ всего людямъ», а затем «Бога забыли». Оба заглавия, первое, написанное на пишущей машинке, и второе, рукой Толстого, зачеркнуты. На второй половине третьего листа, на его обороте и на обеих сторонах почтового листа рукой Толстого написано продолжение. Вслед за заглавием – эпиграф из Евангелия от Матфея, XXI, 42: «Иисусъ говоритъ имъ: неужели вы никогда не читали въ Писаніи: камень, который низвергли строители, тотъ самый сдѣлался главой угла; это отъ Господа и есть дивно въ очахъ нашихъ». Далее следует начало: «Человѣкъ дѣйствуетъ, совершаетъ поступки или воздерживается отъ деятельности». Конец: «и не можетъ не быть главной руководительницей жизни». Вслед за этим рукой Толстого написаны слова: «До сихъ поръ». Рукопись эта, трактующая о значении революции в жизни человека, в части, написанной на машинке, является копией с недошедшего до нас автографа.

7. Автограф в «Синем альбоме» на листах 48–49 и на приложенной к нему вставке – полулисте писчей бумаги, согнутом пополам. Озаглавлен «Свѣтъ сталь тьмою». Написан карандашом вслед за автографом недописанной статьи «Тьма безвѣрія», описанным под № 2. Текст вставки, также написанный карандашом, идет вслед за второй исправленной и затем зачеркнутой копией отрывка «Тьма безвѣрія». Текст поделен на две главы, причем вторая глава написана

приблизительно лишь наполовину. Начало: «Съ нами, со всѣмъ челоѡчествомъ». Конец: «людьми, которыхъ называютъ пророками».

8. Рукопись на 7 нумерованных листах в 4°, написанная с одной стороны рукой М. Л. Оболенской и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. Заглавие: «Свѣтъ сталь тьмой». Начало: «Одни люди часто говорятъ». Конец: «людьми, которыхъ называютъ пророками». В середине рукописи нумерация на двух листах исправлена – указание на то, что эти листы вошли потом в новую текстовую комбинацию. Текст поделен первоначально на две главы. Но вслед за окончанием текста первой главы рукой Толстого поставлена цифра V и далее его же рукой написано семь строк – начало новой главы не имеющее продолжения.

9. Рукописный материал, заключающий в себе 197 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 103 обрезка. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и Х. Н. Абрикосова и в огромной своей части исправлен и дополнен рукой Толстого. Дополнения в нескольких случаях – на отдельных чистых листах. Материал этот представляет собой крайне неупорядоченное собрание многочисленных переработок и перепечаток на машинке текстов, описанных под №№ 5, 7 и 8 и относящихся к работе над статьей «Камень главы угла». Он лег в основу глав восьмой и седьмой в окончательной их редакции, причем к главе седьмой относится большее количество материала, чем к восьмой. Для обозначения глав употребляются цифры от I до X. На одном из листов рукой Толстого написан следующий план, относящийся к рассуждению о значении религии:

- 1) Все горе отъ отсутствія религіи.
- 2) Что же дѣлать по отношенію религіи?
- 3) Два дѣла: одни поддерживаютъ не имѣющую никакого смысла религію. Другіе доказываютъ, что никакой религіи не нужно.
- 4) Что же нужно? Разрушить старую форму и признать необходимость религіи. И взять то, что есть, потому что прогресс не въ приобрѣтеніи новаго, а въ очищеніи стараго.

В двух местах рукой Толстого написано: «Здѣсь слѣдуетъ изъ «Что такое религія», стр. 20, 21, 22, 23» и «За этимъ слѣдуютъ изъ «Что такое религія», отчеркнуто, стр. 24». Выписки из статьи «Что такое религия и в чем сущность ее?» сделаны на 11 листах (на пишущей машинке). Текст на одном листе исправлен рукой Толстого. Часть выписок обведена карандашной чертой, рядом с которой рукой Толстого написано: «пропустить». Извлекаем из этого материала варианты, которые печатаем под №№ 4–6.

10. Автограф на 5 нумерованных рукой Толстого листах (4 четвертушки писчего листа, исписанные с одной стороны (на оборотной стороне рукой Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской написаны материалы к «Кругу чтения») и лист почтовой бумаги, первая половина которого, исписанная с обеих сторон, урезана сверху). Текст первой главы (по окончательному счету). Начало: «На Дальнемъ Востокѣ», въ Манджуріи,

идеть война». Конец: «Что это за машина?» Извлекаем отсюда вариант, который печатаем под № 7.

11. Рукопись на 14 нумерованных (1–15) листах в 4°, написанная с одной стороны рукой О. И. Игумновой и исправленная рукой Толстого. Копия автографа. Листы 3 и 5 вынуты и перенесены в рукопись № 38. Первый лист не нумерован и не заполнен текстом. На лицевой его странице рукой Ю. И. Игумновой написано: „«Единое на потребу. Черновые. 14 декабря“ (дата старой копии, а не рукописи). Впереди текста рукой Толстого проставлено заглавие «Единое на потребу» и вслед за ним для обозначения главы поставлена цифра 1. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции главы. Смягчена между прочим характеристика Николая II.

12. Рукописный материал, заключающий в себе 7 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 3 обрезка, написанных рукой Ю. И. Игумновой и на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Перепечатки отдельных листов предыдущей рукописи, промежуточные отрывки текста между рукописями, описанными под №№ 11 и 38.

13. Автограф, относящийся ко второй главе статьи, на 2 листах в 4° исписанных с обеих сторон. Перед текстом для обозначения главы поставлена цифра II. Начало: «Машина эта, давно известная». Конец: «большой части всякаго общества».

14. Рукопись на 4 нумерованных (20–24) листах в 4°, из которых одна чистая, исписанных рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Листы 22 и 23 перенесены в рукопись № 38. Цифра II, обозначающая главу, исправлена на III, затем окончательно на IV. Начало: «Что это за машина?». Конец: «И только отъ правительства».

15. Автограф, относящийся ко второй главе статьи, на 2 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. К нему приложены на 2 листах две вставки. Начало: «Правительственная машина – это такое учреждение». Конец: „распутнѣйшая изъ распутныхъ Екатерина «великая»“.

16. Рукопись на 6 листах в 4°, написанная на пишущей машинке. исправленная, значительно дополненная и продолженная рукой Толстого. Дополнение сделано на обороте первого листа и на лицевой стороне четвертушки, представляющей собой вставку ко второму листу. Продолжение написано на нижней части и на обороте последнего листа. Начало продолжения: «потомъ признанный, потому что его убили, полубѣшеннымъ Павелъ». Конец: «офицеръ, устроившій Японскую войну и т. д.» Автограф, описанный под № 15, и его продолжение, находящееся в рукописи № 16, печатаем в вариантах (№8).

17. Рукописный материал, заключающий в себе 142 частью склеенных из нескольких частей листа в 4°, 7 листов почтового формата (большого и малого) и 72 обрезка. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Представляет собой переработку и ряд перепечаток материала, находящегося в рукописях, описанных под №№ 13–16. Исправленные перепечатки чередуются с автографами–дополнениями, написанными или непосредственно вслед за машинным

текстом или на отдельных листах. На некоторых листах поставлены для обозначения глав цифры III, IV, V, VI, XI, XII. Материал этот включает в себе текст, относящийся ко второй главе статьи, отчасти к пятой, а также тексты глав, примыкающих к ним по смыслу, но не вошедших в статью. Эти последние тексты печатаем в вариантах. Из данного материала извлекаем варианты №№ 9–15.

18. Автограф, написанный частью поверх текста, написанного рукой Ю. И. Игумновой, на 2 листах в 4°. Начало: «III. Вотъ что говорилъ про это французскій писатель 16 вѣка Этіень Лабозти». Далее пометка «Выписать Лабозти». Конец: «какъ Наполеонъ I и III». Текст почти буквально совпадает с окончательной редакцией замечаний к выписке из Лабозти, помещенных в третьей главе.

19. Рукопись на 5 нумерованных по страницам (1–10) листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской, без поправок рукой Толстого. Озаглавлена „«Добровольное рабство». Сочинение французского писателя Бозти половины XVI века“. Начисто переписанный перевод выдержек из сочинений Лабозти к третьей главе. Слева внизу первой страницы рукой С. Д. Николаева написано: «Считано 5.19.05» (т. е. 19 мая 1905 г.). Над заглавием его же рукой написано: „Из статьи Льва Николаевича «Единое на потребу»“. Та же пометка в конце текста рукой А. Л. Толстой.

20. Рукописный материал, заключающий в себе 9 листов в 4° и 3 обрезка. Написан рукой Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке и рукой Толстого. Написанное Игумновой и на машинке исправлено Толстым. Относится к четвертой главе статьи. Текст, принадлежащий самому Толстому, соответствует тому, что напечатано в пятой главе; текст же цитат из Маккиавелли сохранился лишь в меньшей своей части, и в нем сделаны поправки рукой Толстого. На двух листах для обозначения главы поставлена цифра IV.

21. Автограф, соответствующий по содержанию пятой главе и обозначенный цифрой VI, на 4 листах (2 четвертушки и 2 полулиста почтовой бумаги), исписанных с обеих сторон. Вслед за шестью исправленными рукой Толстого машинописными строками, относящимися к материалу, описанному под №20, начало: «Такъ это представляется, когда разсматриваешь». Конец: «и требованіямъ ихъ совѣсти». В конце лицевой и на оборотной стороне последнего листа вслед за цифрой VII идет текст в дальнейшем исключенный и не вошедший в окончательную редакцию пятой главы; предшествующий же текст очень близок к этой редакции, хотя и кратче его.

22. Рукописный материал, заключающий в себе 14 листов в 4° и 17 обрезков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Остатки переписанных и исправленных копий предыдущей рукописи. цифра VI, обозначавшая главу, заменена цифрой IV. Часть листов и обрезков отсюда перенесена в состав рукописи, описанной под № 38. На одном из листов рукой Толстого сделано дополнение, текст которого, будучи затем переработан, вошел в состав большей части первого абзаца пятой главы. Извлекаем отсюда вариант, который печатаем под № 16.

23. 1 лист и 2 обрезка, на которых рукой Толстого указано, какие выдержки нужно сделать из «Царства Божия внутри вас, «Патриотизма и правительства», «Рабства нашего времени» (шестая глава окончательной редакции). Тут же автограф заключительного абзаца шестой главы, перечеркнутый поперечной чертой и исправленный рукой Толстого абзац, вошедший затем в качестве предпоследнего в десятую главу («Казалось бы люди, сознавая себя...»). Рукой Толстого поставлена, также для обозначения главы, цифра VIII.

24. Автограф, относящийся к девятой главе на 2 листах в 8° (3 исписанные страницы). Для обозначения главы поставлена цифра IX. Начало: «Ученіе равенства, братства, любви людей». Конец: «Въ этомъ все».

25. Рукопись на 4 нумерованных (86–89) листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого.

Начало: Идеаль равенства, свободы ж любви». Конец: «liberté, égalité, fraternité, ou la mort». Многочисленные поправки, сделанные поверх зачеркнутых строк, на оборотной стороне первого листа и в конце последнего, приближают рукопись к окончательной редакции девятой главы.

26. Рукопись на 12 нумерованных (90–96, 97–100) листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Начало: «А между тем идеал равенства, свободы и братства». Конец: «liberté, égalité, fraternité, ou la mort». Один лист, 99-й, перенесен отсюда в рукопись, описанную под № 38. В начале поставлены цифры IX, затем X, но обе зачеркнуты. Исправления еще более приближают рукопись к окончательной редакции главы. Между прочим фраза «Тэнь (въ своей прекрасной исторіи революціи) дѣлаеть ту странную ошибку, что ради всѣхъ ужасовъ, которые совершала революція, осуждаеть тѣ принципы, которые она провозгласила» – исправлена так:

Напрасно думаетъ Тэнь (въ своей прекрасной исторіи революціи), что принципы эти и способы осуществленія ихъ были ложны и что отъ ложности принциповъ произошли всѣ тѣ ужасы, которые совершались во время террора и послѣ.

27. Рукописный материал, заключающий в себе 6 листов в 4° и 13 обрезков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Остатки переписанных и исправленных копий предыдущей рукописи. Часть листов и обрезков отсюда перенесена в рукопись, описанную под № 38.

28. Автограф, относящийся к десятой главе, на 4 листах (2 обрезка, исписанных с одной стороны, и 2 листа в 4°, исписанные с обеих сторон). Первый лист утрачен, остальные нумерованы рукой Толстого красным карандашом (2–5). Начало: «Всѣ же ихъ бѣдствія, скажутъ они». Конец: «Что это значить и отчего это?» Помимо текстуальных отличий, автограф кратче десятой главы в ее окончательной редакции.

29. Рукопись на 10 листах в 4° и 8 обрезках, исписанных с одной

стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Обрезки получились в результате того, что отдельные листы, будучи разрезаны, вошли в новую текстовую комбинацию в пределах той же десятой главы. Поэтому и нумерация листов и обрезков подверглась исправлению. Начало: «Скажутъ, что всѣ наши бѣдствія». Конец: «центръ тяжести всегда будетъ одно и то же». Последний лист переписан дважды, и на втором его экземпляре рукой Толстого написано продолжение текста главы.

30. Рукописный материал, заключающий в себе 24 листа в 4°, 1 лист почтового формата и 23 обрезка. Написан рукой Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке и рукой Толстого. Его же рукой исправлено написанное Игумновой и на машинке. Остатки переписанных, исправленных и дополненных копий предыдущей рукописи. Часть листов и обрезков перенесена отсюда в рукопись, описанную под № 38. Для обозначения главы проставлены цифры VIII, IX, X, XI.

31. Автограф на 3 листах, исписанных с обеих сторон (четвертушка писчего листа и лист почтовой бумаги), начинающийся вслед за четырьмя зачеркнутыми строками, написанными рукой Ю. И. Игумновой. Текст поделен на главы – XI и XII. От двенадцатой главы сохранилось только начало (шесть строк). Начало: «Но если между людьми распространяется и признается идеаль равенства». Конец: «нужна истинная религія». Текст одиннадцатой главы представляет собой первоначальную редакцию одиннадцатой главы и по окончательному счету. Печатаем его в вариантах целиком (№ 17).

32. Рукопись на 10 листах в 4°, исписанная с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленная рукой Толстого. Начало: «Но если между людьми распространень». Конец: «разумнымъ согласіемъ и свободнымъ убѣжденіемъ». Копия предыдущей рукописи, включая и всю двенадцатую главу. Рукопись нумерована (121–136), но листы 128 и 131–135 (большая часть из двенадцатой главы) утеряны. Вслед за концом копии двенадцатой главы – продолжение ее текста рукой Толстого на полустранице. Отдельные страницы рукописи, предварительно исправленные, зачеркнуты.

33. Автограф на 1 листе почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон (4 страницы). Текст написан на первой странице поверх машинописного письма (неподписанного), в котором Толстой обращается к издателю сочинений Тургенева с просьбой разрешить ему перепечатку с сокращениями «Живых мощей» в «Круге чтения». Вначале для обозначения главы поставлена цифра XI. Начало: «Почему же люди не усваиваютъ эту истинную религію». Конец: «пережитыхъ и уже чуждыхъ ему формахъ». По содержанию текст рукописи близок к части текста одиннадцатой главы в окончательной ее редакции.

34. Рукопись на 6 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Нумерация в рукописи менялась несколько раз, так как отдельные ее листы входили затем в новые комбинации. Исправления – в направлении к окончательной редакции одиннадцатой главы.

35. Рукописный материал, заключающий в себе 32 частью склеенных из

нескольких частей листов в 4° и 1 лист почтового формата. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен и частью дополнен рукой Толстого. Представляет собой дальнейшую переработку материала, находящегося в рукописях, описанных под №№ 31–34, и относится к одиннадцатой главе статьи.

35. Рукопись на 4 листах (3 четвертушки и 1 полулист почтовой бумаги). Исписанных рукой Ю. И. Игумновой и Толстого. На первом листе конец копии первоначальной двенадцатой главы, написанной рукой Ю. И. Игумновой. Далее рукой Толстого проставлена цифра XIII, и идет начало главы: «Что же нужно? Прежде всего разрушение обманов». На лицевой странице второго листа и на части лицевой страницы третьего – копия начала главы. Она исправлена рукой Толстого (причем цифра XIII зачеркнута) и продолжена на обеих страницах третьего и четвертого листа. Конец: «любовь, включающую в себя почти все». Печатаем целиком исправленное начало главы и ее продолжение (вариант № 18).

37. Рукописный материал, заключающий в себе 17 листов в 4° и 25 обрезков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и М. А.

Шмидт и исправлен, переработан и дополнен рукой Толстого. Среди этого материала – часть вторичной копии предыдущей рукописи, почти целиком зачеркнутая. Вместо зачеркнутого, большей частью на оборотных страницах, написан рукой Толстого новый текст, по содержанию близкий к тексту двенадцатой главы окончательной редакции. На одном из листов после слов «Марфа, Марфа, печешеся о мнозем, единое на потребу» рукой Толстого поставлена дата 7 февраля 1905 г., на другом после тех же слов – 19 февраля 1905 г.

38. Рукопись на 126 листах в 4°, часть которых склеена из нескольких частей, часть урезана. Написана на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт и Е. В. Оболенской и исправлена рукой Толстого. (Кроме того, в нескольких местах сделаны мелкие стилистические поправки рукой А. Б. Гольденвейзера.) Цельный текст «Единого на потребу», подобранный из разновремененно переписанных и исправленных копий. Окончательная нумерация (1–126) частью рукой Толстого, частью рукой переписчиков. Некоторые цифры дублированы (напр., 35а, 36б и т. д.). Листы 36–41, на которые приходится выписка из Монтеские, отсутствуют. Отсутствуют также листы 104 и 110. Один лист занумерован двумя цифрами – 102, 103, и один тремя – 106, 107, 108. Выписок из Лабозети в третьей главе и всех выписок из прежних сочинений Толстого в шестой главе (в данной рукописи восьмой) нет, но нумерация в этих частях текста не прерывается. По сравнению с окончательной редакцией в тексте рукописи еще много отличий. Он поделен на двенадцать глав, но расположение их и состав не всегда соответствуют тому, что мы имеем в окончательной редакции статьи. Главы первая и вторая следуют в том же порядке, как в окончательной редакции; глава третья соответствует главам третьей и четвертой окончательной редакции; главы четвертая и пятая – пятой окончательной редакции; шестая – девятой, седьмая – десятой, но кончается словами «правительственного насилия»; следующий же затем абзац, который читается в десятой главе окончательной редакции, начинается собой восьмую главу, соответствующую шестой главе

окончательной редакции; девятая глава соответствует седьмой, десятая – восьмой; материал глав одиннадцатой и двенадцатой в окончательной редакции подвергся перегруппировке, так что отдельные части текста одной главы перенесены были в другую и наоборот.

Важнейшие исправления в рукописи сводятся к следующему.

В первой главе после слов «гибнут как будто по его воле?», стр. 168, строка 32, зачеркнуто:

Можно было бы допустить это, если бы причиной такого дѣла былъ одаренный желѣзной волей геніальный злодѣй, но вѣдь мы знаемъ, что виновникъ всего не человекъ сильной воли, не геніальный и не злодѣй, а самый обыкновенный, просто глупый, можетъ быть, и не злой человекъ, который можетъ подпадать подъ вліяніе самыхъ ничтожныхъ людей, но самъ, по низменности своего умственного, образовательнаго гвардейскаго уровня, никакъ не можетъ самъ одинъ оказать на кого бы то ни было какого либо вліянія.

Во второй главе текст с характеристикой русских царей отчеркнут сбоку карандашом и рядом с чертой рукой Толстого первоначально написано пр[опустить]», но затем это обозначение зачеркнуто. В той же главе после слов «на другой край света», стр. 170, строка 7, следующее окончание абзаца отчеркнуто чернильной чертой с пометкой: «пр[опустить]»:

Если даже и помретъ этотъ несчастный Николай II, то вѣдь смерть его не исправитъ дѣла. Будетъ регентство или[30] какая нибудь вторая Екатерина съ любовниками, и любовники будутъ опять устраивать новые проекты, за которые платить будутъ, вытягивая послѣднія жилы и отдавая послѣднюю кровь, русскіе миллионы людей.

Во втором абзаце той же главы после слов «если и кончится эта», стр. 170, строки 1–2, зачеркнуты слова «дурацкая, подлая». В четвертом абзаце той же главы отчеркнут Толстым с пометкой «пр[опустить]» конец абзаца:

Марія кровавая и ея царствованіе есть рядъ ужаснѣйшихъ преступлений, костровъ и казней.

В шестом абзаце после слов «свергаютъ, наконецъ, эту породу», идущими вслед за словами «бессмысленные войны», стр. 170, строка 27, зачеркнуто; «самодовольныхъ убійць, разорителей народа».

В десятой главе (в окончательной редакции восьмой) после конечных слов второго абзаца «ухудшение своего положения», стр. 193, строка 19, следующий абзац отчеркнут сбоку чертой с пометкой «пр[опустить]». Печатаем его в вариантах под № 19.

39. Рукописный материал, заключающий в себе 17 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 16 обрезков и восходящий непосредственно к тексту предыдущей рукописи. Написан на пишущей машинке и исправлен рукой Толстого. Цвет машинописной ленты здесь

всюду одинаковый, тот же, что и в рукописи, описанной под № 39. Весь этот материал входил первоначально в состав этой рукописи и удален из нее, будучи радикально исправлен и заменен вновь переписанными листами или частями их. К первой главе относится 1 обрезок, ко второй 1 лист и 3 обрезка, к седьмой – 6 листов и 3 обрезка, к девятой – 5 листов и 2 обрезка, к десятой 1 лист и 2 обрезка, к одиннадцатой – 4 листа и 2 обрезка, к двенадцатой – 2 обрезка. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции статьи.

40. Рукопись на 61 листе в 4° (листы частью склеены из нескольких частей, частью урезаны), написанная на пишущей машинке и рукой Т. Л. Сухотиной и исправленная рукой Толстого (рукой постороннего исправлены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). Представляет собой связный текст «Единого на потребу». Нумерована по листам красным карандашом рукой В. Г. Черткова (1–86); листы 136–18, 206–28 и 38–48, на которые приходится выписки из Лабозти в третьей главе и из Монтескье в четвертой, и целиком шестая глава – в рукописи отсутствуют. Рядом с чертковской нумерацией в верхних углах листов идет другая, непоследовательная, отражающая собой те прежние комбинации, в которые входили отдельные листы рукописи. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано «Единое на потребу». Л. Толстой. 1905 года и рукой А. Л. Толстой – «Последняя редакция, привезенная В. Г. [Чертковым]. Июнь 1905 г.». Данная рукопись представляет собой исправленную копию рукописи, описанной под № 38, причем наиболее подвергшиеся исправлениям листы и части листов, как указано было выше, были вновь переписаны и частью вновь исправлены. Текст поделен на двенадцать глав, но расположение глав здесь иное, чем в рукописи № 38, то, которое мы знаем по печатному тексту.

Большинство исправлений, сделанных Толстым, – стилистического характера. Существенные исправления по существу сводятся к следующему.

В первой главе после слов: «Люди эти все», стр. 166, строка 20, зачеркнуто: «по приказанію ближайшаго начальства»; после слов «что это самый обыкновенный», стр. 166, строка 23, зачеркнуто: «скорѣе ничтожный». Во второй главе смягчена та часть текста, где речь идет о русских царях. Ряд мест здесь зачеркнут (см. вариант № 20); после слов «бессмысленные войны», стр. 170, строка 27, зачеркнуто: «Свергають, наконецъ, эту породу». В четвертой главе после слов «мучить самих себя», стр. 177, строка 44, зачеркнуто: «потому что всякое дѣйствіе власти законодательной, исполнительной имѣетъ одно средство принужденія, мучительства, убійства или угрозы того и другого». В пятой главе после слов «только самые безнравственные», стр. 179, строка 1, зачеркнуто «или вполнѣ глупые»; после слов «стоят ниже среднего», стр. 179, строка 1, зачеркнуто: «умственного и». В одиннадцатой главе после слов «У них нет сил для этого», стр. 202, строка 22, зачеркнуто: «Если они и признають равенство, свободу, братство, то признають ихъ только въ той мѣрѣ, въ которой осуществленіе это представляется имъ выгоднымъ, желательнымъ и не нарушаетъ ихъ личной жизни». Вслед за последней главой собственноручная дата и подпись: «1905. 25 марта. Ясная Поляна. Левъ Толстой».

В рукописи некоторые слова, смущавшие Черткова, подчеркнуты им красным карандашом и сбоку их на полях поставлен вопросительный знак; в двух местах из стилистических соображений им сделаны перестановки слов. Номера листов, на которых находятся обратившие на себя внимание Черткова места, большей частью выписаны им на оборотной странице обложки. На 7-м листе, во второй главе, в словах «нѣмецъ Биронъ», «толстой бабы», «другая нѣмка Анна», «нѣмка мужеубійца Екатерина» (см. вариант № 20, стр.462, строки 41–44) Чертковым подчеркнуты слова: «нѣмецъ», «толстой», «другая нѣмка», «нѣмка», а сбоку на полях поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 7 им написано: «Нельзя ли то же, да добрее, с жалостью»? Против этих слов рукой Толстого написано: «Оставить». Однако слова «толстой» и «другая» Толстым все же зачеркнуты. На 10-м листе в абзаце второй главы, в котором идет речь о Генрихе VIII, в словах «женится на своей б.» буква «б» также подчеркнута и сбоку поставлен вопросительный знак. На обложке 10-й лист не отмечен. На 34-м листе, в пятой главе, после слов «Онъ покоряется», стр. 180, строка 2, Чертковым подчеркнуты слова «не может не покориться». На обложке против цифры 34 Толстой поставил сначала вопросительный знак, затем зачеркнул его и написал: «Сог [ласень]». В рукописи эти слова зачеркнуты Толстым. На 49-м листе, в сноске седьмой главы, слова «здравый смысл, нравственное чувство и, главное, историческая действительность» переставлены так: «здравый смысл, историческая действительность и, главное, нравственное чувство». На обложке против цифры 49 Толстой написал: «Сог [ласень]». На 69-м листе, в десятой главе, две рядом стоящие фразы от слов «Если не такъ смѣло грабятъ» и кончая словами «а отъ путей сообщенія» обведены сбоку чертой, рядом с которой поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 49 Толстой поставил вопросительный знак и написал слово «Ост [авить]», но затем зачеркнул его и написал «Можно и исключить». Эти слова он также зачеркнул и сверху них написал: «переставить». В тексте же он сам сделал перестановку, поставив фразы, отчеркнутые Чертковым, впереди предшествовавшей им фразы «Если перестали сжигать вѣдьмъ...» Наконец, на 82-м листе, в двенадцатой главе, подчеркнуты еще три слова и сбоку поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 82 нет никакой ответной пометки Толстого. Строки, в которых находятся подчеркнутые слова «существо», «воли Бога», стр. 203, строки 22–23, исправлены Толстым, но так, что подчеркнутые слова остались нетронутыми. Неясно, когда эти строки были исправлены Толстым – до пометки Черткова или после нее.

41. Рукопись на 1 листе тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия начала второй главы, где речь идет о русских царях, с рукописи, описанной под № 39. Начало: «Машина эта давно извѣстна міру». Конец: «она устраиваетъ со своими». Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции этой части главы, хотя характеристики царей еще более сгущены; зачеркнутые после слов «то немец Бирон», стр. 169, строки 12–13, слова «любовникъ глупой, толстой бабы» затем вновь восстановлены.

42. Рукопись на 1 листе почтовой бумаги большого формата, написанная

на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. Окончательная редакция начала второй главы. Характеристики царей, по сравнению с предыдущей рукописью, смягчены. Так, слова «глупой, толстой бабы» зачеркнуты и заменены словами «совершенно чуждой России и ничтожной женщины».

После слов «Потом захватывает машину», стр. 169, строка 20, зачеркнуты слова «распутная дѣвка» и заменены словами «незамужняя развратная дочь Петра». После слов «велит войскам воевать за пруссаков», стр. 169, строка 22, зачеркнуты слова «Убивает блудница изъ блудницъ» и заменены словами «Нѣмца этого, своего мужа, убивает самого безсовѣстно распутнаго поведенія».

В июле или августе 1905 г. «Единое на потребу» было напечатано в издании «Свободного слова» (№ 99). Корректур статьи Толстой не держал. 12 августа н. ст. Чертков писал ему о том, что редактор «Times» принимает «Единое на потребу», которое появится одновременно в разных странах 29 и 31 августа н. ст. (АТБ).

Издание «Свободного слова» печаталось по текстам рукописей, описанных под №№ 40 и 42 (по второй рукописи – начало второй главы). Выписка из сочинения Лабозети «О добровольном рабстве» напечатана, видимо, по тексту рукописи, описанной под № 19, с которой эта выписка буквально совпадает; цитата из книги Маккиавелли «Государь» напечатана о недошедшего до нас оригинала; шестая глава напечатана также с недошедшего до нас оригинала, в котором были, по указанию Толстого, сгруппированы выдержки из прежде опубликованных им сочинений, лишь слегка в нескольких местах перефразированные для увязки текстов.

В этом издании были допущены следующие отступления от текста рукописей. После слов «Немца этого, своего мужа, убивает», стр. 169, строки 22–23, вместо «самого бессовестно–распутного поведения немка Екатерина II» напечатано: «совершенно чужая немка Екатерина II»; после слов «и жениться на своей», стр. 170, строка 19, вместо стоящей в рукописи и ничем не замененной буквы «б.» напечатано «любовнице»; после слов «и творят еще», стр. 170, строка 29, вместо «ужаснейшие» – «большие»; после слов «как последние войны то французов», стр. 171, строки 5–6, пропущено «то англичан с Китаем»; между словами «то» и «России», стр. 171, строка 7, пропущено слово «теперь»; после слов «право одних людей», стр. 178, строки 32–33, вместо «владения» напечатано «на владение»; между словами «положение» и «отдельного», стр. 179, строка 16, пропущено слово «каждого»; после слов «он работает», стр. 179, строка 30, пропущены слова «изо всех сил»; между словами «т. е.» и «самое», стр. 180, строка 7, пропущен предлог «в»; после слов «И, что хуже всего», стр. 181, строка 12, вместо «что будут» напечатано «будучи»; после слов «переходя из одного возраста в другой», стр. 190, строки 24–25, выпущены слова «То, что совершается в жизни отдельного человека, совершается и в жизни целого общества», перенесенные в начало следующего абзаца, после слов «без всякого руководства», стр. 190, строка 33; после слов «из одного возраста в другой», стр. 190,

строки 29–30, вместо «В сознании ребенка» напечатано «У ребенка»; после слов «в такие периоды», стр. 190, строка 33, пропущено слово «времени»; после слова «Одна», стр. 191, строка 6, вместо «большая» напечатано «значительная»; между словами «что» и «эти», стр. 193, строка 27, напечатано «все»; после слов «и озверением всех», стр. 193, строка 29, вместо «но, несмотря на него», напечатано «несмотря на то»; после слов «отдают свои жизни», стр. 193, строка 30, вместо «жизни» – «жизнь»; после слов «зачем они жили», стр. 194, строка 13, вместо «эту бессмысленную, мучительную жизнь» – «этой бессмысленной, мучительной жизнью»; после слов «революционеров, анархистов», стр. 195, строка 26, вместо «о будущем устройстве» – «и в будущем устройстве», между словами «то же» и «положение», стр. 147. строка 36, напечатано «и то же»; после слога «дисциплинарных», стр. 198, строка 7, вместо рот» напечатано «батальонов»; после слова «Если», стр. 198, строка 16, вместо «не так смело теперь грабят» – «перестали грабить»; после слов «в городах, на улицах», стр. 198, строка 17, вместо «то произошло это» – «то тоже»; между словами «теперь» и «связывает» пропущено «еще»; после слов «Нет произвола», стр. 200, строка 8, вместо «главы» напечатано «нет главы»; после слов «и из рассуждения», стр. 200, строка 34, вместо «и опыта» напечатано «и из опыта»; после слов «Вот эти то», стр. 201, строка 11, вместо «особенно последние люди» – «люди, особенно последние»; после слов «С другой стороны», стр. 201, строка 32, вместо «стараятся» – «они стараются»; после слов «с одного места на другое», стр. 202, строка 35, вместо «Но никогда» – «но никто»; между словами «это то» и «есть»; стр. 203, строка 12, добавлен союз «и»: между словами «любовь» и «проявляется», стр. 203, строка 26, пропущен союз «же».

«Единое на потребу» Толстой намеревался напечатать и в России в издательстве «Посредник». В октябре 1905 г. он писал И. И. Горбунову: «С печатанием «Единого на потребу» делайте как найдете лучшим, я на всё согласен и только боюсь, чтобы вам не было неприятности» (ГТМ). В ноябре того же года Горбунов извещал Толстого, что вместе с «Концом века» сдано в набор и «Единое на потребу» без первых четырех глав (АТБ). Но, по всей вероятности, типография «Посредника» «Единое на потребу» даже не набрала, так как Горбунов опасался закрытия типографии за печатание толстовских статей. В неопубликованной части своих «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкий сообщает под 1 января 1906 г. «Лев Николаевич говорил мне, что И. И. Горбунов не издает его статей «Единое на потребу» и «Конец века» потому, что правительство применяет теперь новую меру: закрывает ту типографию, в которой печатаются такие книги, которые кажутся ему опасными. Так было сделано в Петербурге».

В 1906 г. текст статьи по изданию «Свободного слова» был перепечатан в России в издательстве «Обновление» с пропуском в первой и во второй главе тех строк, в которых содержатся резкие суждения об Александре III и Николае II (издание конфисковано). С аналогичными пропусками был напечатан текст «Единого на потребу» и в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого М. 1911 (том конфискован).

В настоящем издании печатаем текст «Единого на потребу» по рукописи,

описанной под № 40, за исключением начала второй главы, которое печатаем целиком по рукописи, описанной под № 42. Выдержку из сочинения Лабозети печатаем по тексту «Свободного слова», сверив его с текстом рукописи, описанной под № 19; выдержку из сочинения Маккиавелли печатаем по изданию «Свободного слова». По тому же изданию печатаем и текст шестой главы, представляющий, за исключением последнего абзаца, как сказано, сплошь выдержки из прежде опубликованных сочинений Толстого.

Примечания.

Стр. 169, строка 15. «Другая Анна» – Анна Леопольдовна, племянница императрицы Анны Иоанновны, правительница России с 1740 по 1741 гг., фаворитом которой был саксонский посланник граф К. М. Линар,

Стр. 169, строки 22–24. Речь идет об императоре Петре III.

Стр. 169, строки 38–40. Речь идет о Николае II и его завоевательных планах в связи с русско-японской войной.

Стр. 170, строки 16–17. Речь идет о разводе Генриха VIII со своей женой Екатериной Арагонской и женитьбе его на своей фаворитке Анне Боллейн. Эта женитьба вызвала сопротивление римской курии, в результате которого Генрих VIII провозгласил независимость англиканской церкви от папской власти.

Стр. 171, строки 5–7. См. примечания к статье «Об общественном движении в России», стр. 635–636.

Стр. 171, строка 23 – стр. 173, строка 46. Выдержка из сочинения Лабозети «О добровольном рабстве» («*Sur la servitude volontaire*»). *Bibliothèque nationale. Paris, 1901, стр. 36, 38, 40–45*).

Стр. 174, строка 31 – стр. 177, строка 31. Цитаты из сочинения итальянского политического деятеля Николо Маккиавелли «Государь» («*Il Principe*»). В Яснополянской библиотеке Толстого имеется экземпляр этой книги в переводе с итальянского под редакцией Н. Курочкина: «Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия». Спб. 1869. С некоторыми стилистическими отступлениями цитаты из Маккиавелли в «Единое на потребу» заимствованы именно из этого экземпляра, в котором на многих страницах имеются собственноручные пометки Толстого.

Стр. 198, строки 2–3. Здесь Толстой имеет в виду свидетельство Библии, «Книга Бытия», XII, 48–57, XVIII, 13–26, где рассказывается о том, как Иосиф, продавая египтянам в голодные годы за деньги хлеб, собранный в плодородные годы, поработил египтян. Об этом Толстой подробно говорит в XX главе своего сочинения «Так что же нам делать?», приводя целиком все относящиеся к этой истории тексты из «Книги Бытия».

Стр. 203, строки 19–20. Сведенборгианизм – мистическое религиозное учение, основателем которого был скандинавский ученый и поэт Эммануил Сведенборг (1688–1772). Секта сведенборгиан существует

преимущественно в Англии и Америке. О таосизме см. примечание к «Письму к китайцу», стр. 697.

Стр. 449, строка 31. Орлеаны, точнее орлеанисты – сторонники Орлеанской династии. Со времени Великой французской революции они выступали почти на протяжении всего XIX века. Панамисты – участники скандального предприятия – проекта соединения при помощи канала Атлантического и Тихого океана. Предприятие это, осуществлявшееся в 80-х гг. прошлого столетия и сопровождавшееся колоссальными злоупотреблениями, тратой огромных денежных сумм и вымиранием рабочих, занятых на нем, не было осуществлено.

Стр. 452, строки 6–7. Перефразировка слов Евангелия от Иоанна, III, 19.

Стр. 455, строки 36–37. Книга профессора Н.М. Коркунова, на которую ссылается здесь Толстой и из которой он, по его словам, черпает сведения о том, как различные ученые определяют сущность государства, – «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав», I, Спб, 1890.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или

[2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

«Патриотизм и правительство». Гл. VI, стр. 14 и 15. Изд. «Свободного слова».

2

«Рабство нашего времени». Гл. XIII, стр. 54. Изд. «Свободного слова».

3

«Царство Божие внутри вас». Гл. X, стр. 89. Изд. «Свободного слова».

4

«Рабство нашего времени». Гл. XIII, стр. 54–60. Изд. «Свободного слова».

5

[«Царство Божие внутри вас». Гл. X, стр. 87, 88. Изд. «Свободного слова».]

6

[Знаю я, что существует самое распространенное между учёными нашего времени мнение о том, что обуславливается жизнь народа не внутренними духовными причинами, а внешними, преимущественно экономическими. Опровергать такое мнение считаю излишним, так как здравый смысл, историческая действительность и, главное, нравственное чувство показывают совершенную несправедливость его. Мнение это возникло и утвердилось среди людей ограниченных и, главное, лишенных высшей, отличающей человека от животного способности чувствовать необходимость установления своего отношения к миру, т. е. религиозного сознания; и потому стараться убедить таких людей в том, что существует то, чего они не испытывают и не могут ощупать руками, совершенно бесполезно.]

7

[бедовым ребенком,]

8

[свобода, равенство, братство или смерть.]

9

Далее написано слово: надо, очевидно по рассеянности не зачеркнутое.

10

Далее написано слово: только, очевидно по рассеянности не зачеркнутое.

11

[я заплатил за то, чтобы его знать,]

12

В подлиннике описки: той, распространенной, пользующейся, представляющую.

13

В подлиннике описки: той, распространенной, пользующейся, представляющую.

14

В подлиннике описки: той, распространенной, пользующейся, представляющую.

15

В подлиннике описки: той, распространенной, пользующейся, представляющую.

16

[вкривь и вкось]

17

Зачеркнуто: грубый солдатъ

18

Зач.: тупоумный

19

В копии исправлено: братства

20

Зачеркнуто: толстой

21

Зач.: другая

22

Взятое в ломаные скобки обведено сбоку чертой с пометкой рукой Толстого: пр[опустить].

23

Взятое в ломаные скобки зачеркнуто карандашом по строкам.

24

Взятое в ломаные скобки зачеркнуто карандашом по строкам. Следующее слово Елизавету исправлено на Елизавета

25

Зачеркнуто: ничтожнаго, безсовѣстнаго

26

На одной из обложек заглавие «Камень главы угла» написано на машинке, зачеркнуто и рукой Толстого написано новое: «Въ чемъ спасеніе». Но затем оно зачеркнуто, и волнистой чертой восстановлено первое, заимствованное из следующих слов «Евангелия» от Матфея, XXI, 42: «Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от господа, и есть дивно в очах наших.

27

Перефразировка слов Евангелия от Матфея, VI, 23; «Итак, смотри, свет, который есть в тебе, не стал ли тьмою?»

28

Заимствовано из Евангелия от Луки, X, 41, 42; «Марфа, Марфа, печешься о мнозем, единое на потребу».

29

Последнее выражение было употреблено Толстым в отношении к любовнице

английского короля Генриха VIII.

30

Зачеркнуто: может быть, Владимиръ,